

ДЖЕЙМС КОРИ

ИГРЫ НЕМЕЗИДЫ

**JAMES S. A. COREY
NEMESIS GAMES**

Джеймс С. А. Кори

Игры Немезиды

Серия «Пространство», книга 5

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66226970
Игры Немезиды: ООО ИД «СОЮЗ»; Москва; 2021
ISBN 9785604671139

Аннотация

Десятки межзвездных порталов открыты и готовы к заселению. Искатели приключений со всех планет, станций и астероидов отправляются в путешествия на поиски лучшей жизни. Тем временем Солнечная система находится на грани краха: корабли колонистов исчезают без следа, мощные военные силы создают тайные объединения, атаки террористов держат в страхе внутренние планеты, последний образец протомолекулы похищен. Прошлое возвращается и взимает за это очень высокую плату. В то время, как в огне и крови устанавливается новый порядок дальнейшего существования, для капитана Джеймса Холдена и его экипажа начинается борьба за выживание и спасение того, что осталось от нашей Солнечной системы.

Содержание

Пролог. Филип	5
Глава 1. Холден	19
Глава 2. Алекс	33
Глава 3. Наоми	46
Глава 4. Амос	59
Глава 5. Холден	73
Глава 6. Алекс	88
Глава 7. Амос	101
Глава 8. Холден	114
Глава 9. Наоми	128
Глава 10. Амос	140
Глава 11. Алекс	154
Глава 12. Амос	166
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Джеймс С. А. Кори

Игры Немезиды

© перевод с английского, Галина Соловьёва

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Безу Куку, без которого...

Пролог. Филип

Две верфи Каллисто бок о бок стояли на противоположном Юпитеру полушарии спутника. Солнце здесь было всего лишь самой яркой звездой в бесконечной ночи, куда ярче горел широкий мазок Млечного Пути. Повсюду на склонах кратера сияли жестким белым светом рабочие фонари на зданиях, погрузчиках и лесах. Ребра недостроенных кораблей выгибались над реголитом, пылью и льдом. Одна верфь была гражданской, вторая – военной, одна принадлежала Земле, вторая – Марсу. Обе от метеоритной угрозы защищали одни и те же рельсовые пушки, обе занимались постройкой и ремонтом судов, которым предстояло нести человечество к новым мирам за кольцами, как только – если – на Илосе наступит мир.

Обеим грозила неожиданная беда.

Филип скользил, немного опережая команду. Светодиодки на скафандре были выбиты, керамическое покрытие скафандра заранее зачистили до матовой шероховатости, чтобы не осталось ни одного блестящего участка. Даже внутренний дисплей притушили – едва разглядишь. Голоса у него в ушах – переговоры диспетчеров, отчеты охраны, треп штатских – звучали в пассивном режиме. Филип принимал, но сам ничего не передавал. Из пристегнутого к спине прицельного лазера вынули батареи. Филип и его группа были теньями сре-

ди теней. Таймер отсчета, тускло светившийся слева на краю поля зрения, прошел пятнадцатиминутную отметку. Филип погладил воздух, разреженный почти до вакуума, раскрытой ладонью – этот астерский жест был командой замедлить движение. Его люди повиновались.

Высоко над ними, невидимые в пустой дали, с профессиональным лаконизмом переговаривались марсианские корабли охраны. Марсианский флот сильно растянулся, но на орбите всё же остались два корабля. Скорее всего, именно два. Но, возможно, там были и другие – укрывшиеся в черном небе, поглощающие собственное тепло и защищенные от радаров. Возможно, но маловероятно. А жизнь, как говаривал отец Филипа, – это риск.

Четырнадцать минут тридцать секунд. Рядом высветились еще два таймера: один с сорокапятисекундным интервалом, другой – с двухминутным.

«Транспортный корабль „Фрэнк Айкен“, сближение разрешаю».

«Сообщение принял, „Карсон Лэй“, – знакомо проворчал Син. Филип расслышал в голосе старого астера улыбку. – Койос сабе ай сус хорош кабак внизу?»

Где-то там, наверху, «Фрэнк Айкен» поймал марсианский корабль лазерной установкой той же частоты, что и у прицела за спиной Филипа. Но в ответе марсианского офицера не прозвучало страха.

«Не понял, „Фрэнк Айкен“. Повторите, пожалуйста».

«Извиняюсь, – хмыкнул Син. – Вы, благородные умники-разумники, не знаете внизу хорошего бара для бедолаг астеров?»

«Ничем не могу помочь, „Фрэнк Айкен“, – отрезал марсианин. – Держитесь прежнего курса».

«Сабес са. Тяжелей камня, прямее пули, вот мы какие!»

Группа вышла на кромку кратера, заглянула вниз, на пограничную полосу марсианской военной верфи – она оказалась точно такой, какую ожидал увидеть Филип. Он нашел взглядом склады и разгрузочные депо. Отстегнув прицельный лазер, он вогнал основание в грязный лед и вставил источник питания. Другие люди, растянувшись так, чтобы никто из охраны не мог охватить взглядом всю цепь, занимались тем же. Лазеры были старье, приклепанные к ним платформы слежения набирались с бору по сосенке. К тому времени, как красная сигналка на основании сменилась зеленой, первый из дополнительных таймеров вышел в ноль.

На гражданском канале прозвучали три ноты сигнала тревоги и следом напряженный женский голос:

«С площадки уходит погрузчик. Он... о черт, направляется к противометеоритной батарее!»

Слушая голоса, в которых звучало всё больше паники, Филип переместил свою группу вдоль хребта. Вокруг поднимались прозрачные облачка пыли и не опадали, а расплзались, как туман. Погрузчик, не отвечая на команды, пересек пограничную полосу и загородил круглые глаза проти-

вометеоритных орудий, на несколько минут ослепив их. Из бункера, как было положено, выдвинулись четверо марсианских десантников. Мощная броня позволяла им скользить по грунту как по ледовому катку. Каждый из них, перебив всех людей Филипа, сожалел бы о сделанном не дольше секунды. Филип ненавидел десантников – всех вместе и каждого в отдельности. Ремонтники уже карабкались к поврежденному механизму. Через час погрузчик вернут на место.

Двенадцать минут сорок пять секунд.

Филип, помедлив, оглянулся на своих. Десять добровольцев, лучшие, которых мог дать Пояс. Никто, кроме него, не знал, чем так важен рейд на погрузочные депо марсиан и к чему он приведет. Все они были готовы умереть по слову командира – просто потому, что знали, кто он такой. Знали о его отце. У Филипа в горле встал ком, возникший где-то под ложечкой. Не страх, гордость. Это была гордость.

Двенадцать минут тридцать пять секунд. Тридцать четыре. Тридцать три. Установленные группой лазеры ожили, запятнали четверых десантников, бункер с основным составом, ограждение периметра, цеха и казармы. Марсиане обернулись – их броня была настолько чувствительна, что заметила даже касание невидимых лучей. Взяли оружие на изготовку. Филип увидел, что один из десантников засек группу, ствол развернулся от лазеров к людям. К ним.

Филип затаил дыхание.

Восемнадцатую сутками раньше корабль – какой, Филип

не знал – вышел из системы Юпитера с ускорением десять, а то и пятнадцать g . В точно вычисленную компьютером наносекунду он выбросил несколько десятков вольфрамовых стержней с четырьмя одноразовыми ракетами короткого действия в центре массы. На каждой стоял дешевый, настроенный только на одну частоту датчик. Они вряд ли заслуживали названия «механизм» – шестилетние детишки по вечерам собирают устройства сложнее. Но ракетам, разогнанным до ста пятидесяти километров в секунду, сложность ни к чему. Им нужно только направление.

За время, пока сигнал от глаз Филипа шел по зрительному нерву к принимающему участку коры головного мозга, всё было кончено. Он успел отметить содрогание грунта, выброс пламени с места, где только что находились десантники, две вспышки новых звезд там, где в небе висели военные корабли, – но враг к тому времени был уже мертв. Филип перевел рацию в активный режим.

– Ичибан¹, – произнес он, гордясь, что голос звучит спокойно.

Он и его люди, шаркая ногами, скатились в кратер. Марсианские верфи походили на сон. От разбитых цехов поднимались огненные языки – рвавшийся на свободу газ ка-

¹ Один. Жаргон этой группы астеров не только содержит обычную смесь испанских, китайских, английских и славянских корней, но также значительно разбавлен турецкими и немецкими. Далее сносками поясняются только те фразы, которые критичны для понимания происходящего. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

зался пламенем. Над казармами падал снег в рассеянном в пустоте и застывшем воздухе. Десантники исчезли – их разорванные тела разбросало по участку. Кратер наполнился клубами пыли и льдинок, на цель указывал только курсор на дисплее внутри шлема.

Десять минут тридцать секунд.

Группа Филипа разделилась. Двое вышли на открытое пространство – на площадку, достаточно широкую, чтобы можно было развернуть тонкую систему черного карбонового каркаса для эвакуации. Двое других отстегнули механические пистолеты, поглощающие отдачу, и изготовились застрелить любого, кто выберется из руин. Еще двое побежали к оружейной, а трое вместе с Филипом двинулись к складу. В пыли проглянуло угловатое неприступное строение. Дверь была закрыта. Погрузочный мех опрокинулся набок, водитель погиб или умирал сейчас. Техники Филипа подошли к системе управления дверями, вскрыли коробку электрорезаком.

Девять минут семь секунд.

– Джози, – позвал Филип.

«Трабахан, са-са», – огрызнулся тот.

– Знаю, что работаешь, – сказал он. – Если не можешь открыть...

Большие погрузочные ворота вздрогнули и поднялись. Джози, развернувшись, включил свет в шлеме, показав Филипу тяжелые черты своего лица. Астеры вошли на склад.

Здесь громоздились горы керамики и стали, уложенной плотнее, чем камни в скальной породе. Километры волосяного провода были намотаны на пластиковых катушках, возвышавшихся над головой Филипа. Тяжелые принтеры ждали нужного момента, готовые сформовать пластины, которые сойдутся над пустотой, очертят объем и наполнятся воздухом, водой, сложными органическими соединениями, образуя среду, пригодную для человека. Мигающее аварийное освещение создавало в огромном пространстве склада призрачную атмосферу катастрофы. Филип вошел. Он не помнил, как обнажил оружие, но пистолет уже был у него в руке. Не Джози, а Мирал пристегивался в кабине погрузчика.

Семь минут.

В хаосе вспыхнули красно-белые мигалки первых спасательных машин – свет шел отовсюду и ниоткуда. Филип, не отрывая подошв от пола, двигался вдоль рядов сварочных установок и металлопринтеров. Тубы со сталью и керамическим порошком, мелким, как тальк. Огромные спирали сердечников. Пласты кевлара и пены для огнеупорной брони складывались в величайшую в Солнечной системе постель. В свободном углу лежал разобранный двигатель Эпштейна – сложнейшая в мире головоломка. Филип равнодушно прошел мимо.

Воздух был слишком разрежен, чтобы можно было услышать звук выстрелов. Скафандр предупредил о высокоэнергетическом объекте одновременно со взлеском на стальной

балке справа. Филип распластался на полу – тело в микрогравитации падало с меньшей скоростью, чем та, к которой он привык при ускорении. По проходу метнулся марсианин. Не в десантной броне – в экзоскелете техника. Филип прицелился в центр массы и выпустил пол-обоймы. Снаряды вспыхивали, покидая ствол, воспаляли собственный заряд и тянули за собой в прозрачном воздухе Каллисто огненно-дымный выхлопной след. Четыре снаряда попало в марсианина, и по складу поплыли красные снежинки застывшей крови. Экзоскелет переключился в тревожный режим, сигнальные лампочки угрожающе пожелтели. Сейчас скафандр на неизвестной частоте докладывал спасателям верфи об ужасной аварии. Его бездумная преданность долгу в таком контексте была почти смешна.

В ухе прозвучал голос Мирала:

«Хой, Филипито. Са бойт са пала?»

Филип не сразу нашел его взглядом. Мирал сидел в погрузчике: черный вакуумный скафандр сливался с огромным мехом так, словно человек и машина были созданы друг для друга. Только свечение рассеянного круга – символа Альянса Внешних Планет – отличало Мирала от замурзанного водилы-марсианина. Канистры, о которых он сообщил, были закреплены на подставках. Четыре канистры по тысяче литров каждая. На закругленной поверхности читалась маркировка: «Резонансное покрытие высокой плотности». Именно оно помогало марсианским кораблям скрываться от

детекторов. Воровская уловка. Нашлись! Страх, о котором Филип до сих пор знать не знал, отступил от него.

– Да, – сказал он, – они.

Четыре минуты тридцать семь секунд. Жужжание погрузочного меха доносилось издалека – скорее через вибрацию пола, чем через разреженную атмосферу. Филип с Джози двинулись к дверям. Вспышки маячков стали ярче, уже можно было различить, в какую сторону они движутся. Рация в скафандре Филипа отфильтровывала вопли и тревожные голоса охранников. Марсианские военные приказали спасателям с гражданской верфи вернуться на базу, опасаясь, что первыми на призыв о помощи могли отозваться замаскировавшиеся террористы или враги. Разумно. При таких обстоятельствах вполне могли. Система скафандра различала очертания постройки, недособранный эвакуационный каркас, предположительное, на уровне догадки, расположение машин. Система использовала инфракрасный и световой след, слишком слабый для глаз Филипа. Он чувствовал себя попавшим в чертежную схему: все грани отмечены линиями, а поверхности только обозначены. Под шаркавшими по реголиту ногами прошло тяжелое содрогание. Может быть, от детонации. Или завершилось медлительное разрушение какого-то здания. В открытых дверях показался погрузочный мех Мирала, подсвеченный сзади лампами склада. В лапах мех сжимал неприметные черные канистры. Филип двинулся к каркасу, на ходу включив зашифрованный канал.

– Состояние?

«Маленькая проблемка», – отозвался оставшийся на лесах Ааман. Рот Филипа наполнился металлическим привкусом страха.

– Маленьких не бывает, койо. – Он заставил себя говорить спокойно. – Что такое?

«Выброс заляпал леса. Выскребаю песок из суставов».

Три минуты сорок секунд. Тридцать девять.

– Я на подходе, – сказал Филип.

Его перебил голос Эндрю:

«Нас в оружейной обстреляли, начальничек».

Филип пропустил мимо ушей уменьшительный суффикс.

– Сильно?

«Порядочно, – признал Эндрю. – Чучу свалили, меня подсекли. Хорошо бы помощь».

– Рук не хватает, – произнес Филип, быстро соображая.

Двое его людей сторожили каркас, готовые снять любого, кроме своих. Трое строителей боролись с повреждением. Филип подскочил к ним, ухватился за черную опору. На связи недовольно крякнул Эндрю.

Едва он увидел черный песок на заевшем соединении, проблема стала ясна. В атмосфере, чтобы ее устранить, было бы достаточно хорошенько дунуть. Здесь это не вариант. Ааман бешено скреб ножом, выбрасывая крошку за крошкой, освобождая сложную систему тонких пазов.

Три минуты.

Ааман подтянул секцию и попытался вставить на место. Почти села, почти. Однако, стоило качнуть ее в обратную сторону, крепление разошлось. Филип видел, как бранится техник за усыпанным черными песчинками лицевым щитком. «Если бы захватили баллончики воздуха...» – подумал он.

Да ведь есть воздух!

Он выдернул из руки Аамана нож и воткнул клинок себе в запястье, в самое тонкое место на шве перчатки. Острая боль подсказала, что он немножко перестарался. Нормально. На дисплее мигнул сигнал тревоги, Филип не обратил внимания. Он подался вперед, прижал дырочку скафандра к месту стыка. Выходящий воздух сдул грязь и льдинки. Показалась единственная капля крови, застыла идеальным шариком и отскочила от каркаса. Филип отступил, позволив Ааману закрепить секцию. На этот раз держалась крепко. Поврежденный скафандр уже загерметизировал дыру от ножа.

Филип отвернулся от лесов. Мирал и Джози сняли канистры с поддона и крепили к балкам. Вспышки тревожных маячков потускнели, их в дыму и смятении объезжали машины спасателей, направлявшихся, скорее всего, на выстрелы в оружейной. Филип, не зная он, как обстоят дела, тоже считал бы их главной угрозой.

«Начальничек, – тонким от тревоги голосом позвал Эндрю, – нам здесь край».

– Не переживай, – сказал Филип, – крепи очко.

Женщина из охраны положила руку ему на плечо.

«Прикажешь этим заняться?» *Прикажи мне их спасти!*

Филип поднял кулак, слабо качнул им взад-вперед. Нет.

Она напряглась, поняв, и ему на миг показалось, что она готова послушаться приказа. Нет. Мятежник сейчас наказал бы сам себя. Джози закрепил последнюю канистру, затянул ремни.

Ааман со своими вставили на место последнюю секцию.

– Одна минута двадцать секунд.

«Начальничек!» – вскрикнул Эндрю.

– Прости, Эндрю, – сказал Филип.

За секундой ошеломленного молчания последовал поток грязных ругательств и оскорблений. Филип переключился на другую частоту. Аварийщики военной верфи орали меньше. Женский голос на холодном отрывистом немецком отдавал приказы с почти скупающей точностью привыкшего к кризисам человека, и ответные голоса заражались профессионализмом командира. Филип указал на каркас. Чучу и Эндрю уже мертвы. Даже если еще не умерли. Филип подтянулся на свое место на перекладине, подогнал стропы вокруг пояса, в промежности и поперек груди и уложил голову на тугий подголовник.

Пятьдесят семь секунд.

– Нибан, – сказал он.

Ничего не изменилось.

Он вернул рацию на зашифрованный канал. Теперь Эндрю плакал. Рыдал.

– Нибан! Андал!² – выкрикнул Филип.

Перекладыны под ним вздыбились, он вдруг обрел вес. Четыре химические ракеты осветили мощным выхлопом землю внизу, разбросали поддоны и опрокинули брошенный Миралом погрузчик. Ускорение толкнуло кровь в ноги, поле зрения сузилось. Голос в радиации удалялся, становился тоньше, а потом сознание моргнуло, отключаясь. Скафандр сдавил бедра, словно рука гиганта выжимая кровь обратно. В голове немного прояснилось.

Кратер внизу уже стал продолговатой пыльной кляксой на лице спутника. По нему двигались огоньки. Башни по краям кратера моргали погасшими было огнями – система пыталась перезагрузиться. Верфи Каллисто покачивались, словно спьяну или после контузии.

Счетчик показал две секунды. Одну.

На нуле ударило второй раз. Филип не видел попадания метеорита. Камень, как и вольфрамовые болванки, летел слишком быстро, неуловимо для глаза. Но пыльное облако дернулось, словно от удивления, а потом от него покатила ударная волна такой мощи, что ее было видно даже в этом слабом подобии атмосферы.

– Держитесь! – без нужды приказал Филип.

Все были готовы. В плотной атмосфере волна бы их убила.

² Два, три.

Здесь она казалась немногим страшнее жестокого шквала.

Ааман крикнул.

– Проблемы? – окликнул его Филип.

«Песчинка ногу прошила, – объяснил Ааман. – Болит».

«Грацио, что не по по яйцам, койо, – встрял Джози».

«Я и не жалуясь, – сказал Ааман. – Не жалуясь».

Ракеты истратили запас топлива, перегрузка отвалилась. Внизу лежали убитые верфи. Огни погасли. Не было даже пожаров. Филип обратил взгляд на яркий звездный туман галактического диска, светившего им всем. Один из огоньков был не звездой, а выхлопом дюз «Пеллы», спешащей подобрать блудную команду. Только без Чучу. Без Эндрю. Филип удивился, почему его не мучает потеря двоих из команды. Из его первой команды. Он доказал, что ему можно поручить настоящее дело с высокими ставками, что он справится.

Он не собирался ничего говорить. Скорее всего, не собирался. Наверное, просто вздох вырвался сквозь зубы. Мирал хмыкнул.

«Ни фига, Филипито, – утешил он с высоты своего возраста. И, чуть помолчав, добавил: – Фелиц кумплеанос. Поздравляю, сабез?»

Филип Инарос благодарно поднял ладони. Ему сегодня исполнилось пятнадцать.

Глава 1. Холден

Через год после атаки на Каллисто, почти через три года после того, как они с командой отправились на Илос, и примерно через шесть дней после возвращения Джеймс Холден плывал над своим кораблем, наблюдая, как разборочный мех режет его на куски. Восемь тугих канатов крепили «Росинанта» к стенам дока – одного из множества ремонтных доков на станции Тихо, где ремонтная секция была лишь одной из множества секций массивной строительной сферы. Вокруг, в километровом объеме этой сферы, шли тысячи других работ, но Холден смотрел только на свой корабль.

Мех закончил резать и снял большую секцию внешней обшивки. Под ней открылся скелет корабля – крепкие ребра, перевитые путаницей кабелей и труб, а под ними – обшивка внутреннего корпуса.

«Да, – заметил плававший рядом Фред Джонсон, – довел ты его, прямо скажем».

Его слова, приглушенные и искаженные системой связи вакуумных скафандров, подействовали как удар под дых. Кому как не Фреду, номинальному главе Альянса Внешних Планет и одному из троих самых могущественных людей в Солнечной системе, следовало бы поддержать Холдена? А сейчас Холден почувствовал себя мальчишкой, у которого отец потребовал домашнюю работу, чтобы проверить, не

слишком ли тот схалтурил.

«Погнуты внутренние крепления», – сказал по связи третий голос. Сакаи – кислотищий главный инженер Тихо, сменивший Саманту Розенберг после ее гибели в катастрофе, известной теперь всей системе как «Инцидент в Медленной Зоне», – наблюдал за работами из своего кабинета через камеры и рентгеновские сканеры меха.

«Как ты умудрился?» – Фред показывал на гнездо рельсовой пушки вдоль киля. Ствол оружия тянулся почти на всю длину корабля, распорки креплений местами заметно выгибались.

– А что, – отозвался Холден, – я тебе еще не рассказывал, как «Роси» вытягивал на высокую орбиту тяжелый грузовик, используя рельсовую вместо реакторной тяги?

«Ага, неплохо, – безрадостно сообщил Сакаи. – Какие-то распорки, может быть, удастся поставить на место, но бьюсь об заклад, что в сплаве, в который они все превратились, окажется полно микротрещин».

«Недешево обойдется», – присвистнул Фред.

Руководитель АВП иногда выступал спонсором и покровителем команды «Росинанта». Холден надеялся, что сейчас опять настало такое время. Без скидок привилегированному клиенту ремонт корабля обойдется заметно дороже. Хотя они и такой могли себе позволить.

«Много халтурно залатанных дыр во внешней обшивке, – продолжал Сакаи. – Внутренняя, если смотреть отсюда, в по-

рядке, но я по ней еще пройдуь частым гребнем, проверю на герметичность».

Холден хотел напомнить, что, будь в корпусе течь, обратный путь от Илоса завершился бы множеством смертей, но прикусил язык. С человеком, ответственным за летные качества твоего корабля, лучше не спорить. Холден вспомнил ехидную улыбку Сэм и ее вьедливость, которую он привык умерять глупыми шутками, и что-то сжалось у него за грудиной. Прошли годы, но печаль еще пробиралась в душу.

– Спасибо, – сказал он вместо возражений.

«Быстро не получится», – ответил Сакаи. Мех переместился к другой части корпуса, закрепился магнитными присосками и заблестел резаком, снимая следующую секцию обшивки. «Переберемся ко мне, – предложил Фред. – В моем возрасте вредно долго носить скафандр».

Отсутствие воздуха и силы тяжести во многом упрощало ремонт корабля. Платить за это приходилось работой в изоляционных скафандрах. Холден понял Фреда так, что старику надо в туалет, а о мочеприемнике с катетером он не позаботился.

– Хорошо, пойдем.

* * *

Кабинет Фреда по меркам космической станции был слишком просторен, и пахло в нем старой кожей и хорошим

кофе. Капитанский сейф на стене изготовили из титана и черненой стали, он казался декорацией для старого фильма. Большой экран позади стола открывал вид на скелеты трех недостроенных кораблей. Все они были большими, громоздкими и функциональными, как кувалды. АВП начинал строить собственный флот. Холден знал, почему альянсу понадобились собственные силы обороны, но полагал, что человечество упорно извлекает из набитых шишек не те уроки.

– Кофе? – предложил Фред.

Холден кивнул, и хозяин принялся возиться у кофейной машины на приставном столике. Приготовив две чашки, подал одну Холдену. На ней различалась почти стершаяся эмблема – рассеченный круг АВП.

Приняв чашку, Холден кивнул на экран.

– Долго еще ждать?

– По нынешнему плану – шесть месяцев, – ответил Фред и, старчески закряхтев, опустился на стул. – А может, целую вечность. Вполне вероятно, что через полтора года мы не узнаем человечества нашей галактики.

– Диаспора?

– Можно называть и так, – кивнул Фред. – Я называю гонкой колонизации. Караван фургонов движется к Земле обетованной.

Открыто и готово к захвату больше тысячи миров. Народ со всех планет, станций и астероидов спешит урвать кусок. А дома, в Солнечной системе, три государства наперегонки

строят военные корабли в надежде овладеть ситуацией.

На обшивке одного корабля полыхнул сварочный аппарат – так ярко, что монитор затемнился.

– Илос был не чем иным, как предупреждением о предстоящей гибели множества людей, – сказал Холден. – Хоть кто-то его услышал?

– В сущности, нет. Ты знаешь историю гонки колонизации в Северной Америке?

– Знаю, знаю. – Холден отхлебнул из чашки. Кофе у Фреда был великолепный. Выращенный на Земле, богатый оттенками. Привилегия высокого поста. – И про фургоны намек уловил. Я, к слову, вырос в Монтане. Там еще рассказывают все эти предания о фронтире.

– Значит, тебе известно, что за мифами о дарах провидения скрывается множество трагедий. Немало тех фургонов так и сгнули в пути. А еще больше народу закончило как дешевая рабочая сила на строительстве железных дорог, в рудниках и у богатых фермеров.

Холден пил кофе и наблюдал за строительством.

– Не говоря уж обо всех, кто жил на тех землях, пока не явились фургоны и не принесли с собой новую чуму. Наша версия галактической миссии по крайней мере не угрожает высокоразвитым существам – разве что ящеркам-пересмешникам.

– Возможно, – согласился Фред. – Пока похоже на то. Хотя мы еще не все тринадцать сотен миров обследовали по-

настоящему. Как знать, кого мы там найдем?

– Роботов-убийц и ядерные станции размером с целый континент, только и ждущие, пока кто-то щелкнет рубильником, чтобы разнести полпланеты, – если мне память не изменяет.

– Ты судишь по одному примеру. Может быть и хуже.

Холден, пожав плечами, допил свой кофе. Фред говорил правду. Как знать, что встретит человек во всех этих мирах?

Никто не скажет, какие опасности припасены для спешащих обосноваться там колонистов.

– Авасарала мной недовольна, – сказал Холден.

– Верно, – кивнул Фред. – Зато я доволен.

– Можно повторить?

– Слушай, старушка надеялась, что ты докажешь Солнечной системе, как там всё плохо. Припугнешь хорошенько, чтобы ждали разрешения от властей. Хотела вернуть себе контроль.

– Там и было страшно, – сказал Холден. – Я недостаточно ясно это показал?

– Достаточно. Но все-таки выжил. И сейчас Илос готов выслать на здешние рынки грузовики с литиевой рудой. Поселенцы разбогатеют. Может, они и окажутся редким исключением, но к тому времени, как это станет ясно, все миры заполнятся народом, ищущим золотые копи.

– Не совсем понимаю, что еще я мог бы сделать.

– Ничего, – кивнул Фред. – Но Авасарале, как и пре-

мьер-министру Марса, и прочим политическим бонзам, нужен был контроль. А ты им помешал.

– Так чем же ты доволен?

– А тем. – Фред широко ухмыльнулся. – Я за контролем не гонюсь. Именно поэтому он мне и достанется. Моя игра рассчитана на большой срок.

Холден встал, чтобы налить себе еще чашку вкуснейшего Фредова кофе.

– Этого мне не понять, растолкуй, будь добр, – сказал он, прислонясь к стене у кофеварки.

– У нас есть станция «Медина» – судно на самообеспечении. Никто из направляющихся к кольцам мимо него не пройдет. Мы раздаем нуждающимся семена и предоставляем убежище. Мы продаем почву и фальтарционные установки, дорого продаем. Каждая выжившая колония будет помнить о нашей помощи. И когда настанет время создавать галактическое правительство, к кому они обратятся? К людям, которые собирались принести свою гегемонию на стволах орудий? Или к тем, кто был рядом и помог в трудную минуту?

– Они обратятся к тебе, – признал Холден. – Вот зачем ты строишь корабли. Пока все нуждаются в помощи, ты должен выглядеть добрым – но, когда станут думать о правительстве, надо будет показать силу.

– Да, – сказал Фред, откидываясь на стуле. – Альянс Внешних Планет всегда претендовал на все, что дальше Пояса. Это и сейчас так, только понятие немного... расшири-

лось.

– Всё не так просто. Земля и Марс не допустят тебя рулить Галактикой только потому, что ты раздавал палатки и горячие обеды.

– Просто ничего не бывает, – согласился Фред, – но начинать с чего-то надо. Пока «Медина» у меня в руках, я занимаю центр игровой доски.

– Ты хоть прочитал мой доклад? – спросил, не веря своим ушам, Холден.

– Я не склонен недооценивать опасности, оставленной на тех мирах...

– Про оставленное забудь, – перебил Холден и, опустив на стол недопитую чашку, шагнул к столу Фреда и навис над ним. Старик, нахмурившись, подался назад. – Речь не о роботах и системе метро, которая всё еще работает после миллиарда лет бездействия. Речь не о взрывающихся реакторах, не о смертоносных слизнях, которые заползают тебе в глаза и убивают...

– Много еще пунктов в твоем списке?

Холден не слушал.

– Помнить следует о заколдованной пуле, которая всё это прекратила.

– Тот артефакт оказался удачной находкой, учитывая...

– Нет, не удачной! Это был самый жуткий из известных мне ответов на парадокс Ферми. Знаешь, почему в твоей метафоре с древним Западом не упоминались индейцы? Пото-

му что они все умерли. Те, кто всё это построил, получили фору и воспользовались протомолекулой-вратостроителем, чтобы перебить остальных. И это еще не самое жуткое. А самое жуткое, что появился *кто-то еще*, выстрелил тем в затылок и оставил трупы валяться по всей галактике. Думаешь, они не против, чтобы мы подбирали барахлишко убитых?

* * *

Фред дал команде два номера для управленческого персонала в жилом кольце Тихо. Холден с Наоми делили на двоих один, Алекс с Амосом жили во втором – впрочем, они приходили туда только спать. Эти двое всё то время, когда они не изучали многочисленные увеселительные заведения Тихо, торчали в квартире Холдена с Наоми.

Холден застал Наоми сидящей за обеденным столом. Она прокручивала что-то сложное на ручном терминале и улыбнулась ему, не поднимая головы. Алекс развалился на кушетке в гостиной. На включенном стенном экране мелькали графики и дикторы новостных программ, но звук был приглушен, а пилот, запрокинув голову и закрыв глаза, тихо храпывал.

– Они теперь и спать здесь будут? – поинтересовался Холден, подсев за стол к Наоми.

– Амос отправился за обедом. Как твои дела?

– Тебе начать с плохой новости или с самой плохой?

Наоми наконец оторвалась от работы. Склонив голову набок, она прищурилась.

– Опять подвел нас под увольнение?

– На этот раз нет. «Роси» здорово побит. Сакаи говорит...

– Двадцать восемь недель, – закончила за него Наоми.

– Именно. Ты посадила жучка мне на терминал?

– Просмотрела план работ, – сказала она, кивнув на экран. – Получила час назад. Сакаи неплохо знает дело...

«Но не так хорошо, как Сэм...» – повисла между ними невысказанная мысль. Наоми снова опустила голову, спряталась за упавшими волосами.

– Так вот, это плохая новость, – продолжил Холден. – Полгода на приколе, и я всё не дождусь, чтобы Фред сказал, что оплатит ремонт. Или хоть часть. Хоть что-нибудь.

– Мы пока шикаем. Вчера поступила оплата от ООН.

Холден равнодушно кивнул.

– Но забудь пока о деньгах. Я всё еще не могу добиться, чтобы кто-нибудь меня услышал. Насчет артефакта.

Наоми сделала астерский жест ладонями – как бы пожала плечами.

– А ты думал, что-то изменится? Когда это они слушали?

– Хоть бы раз моя вера в человечество оправдалась!

– Я сварила кофе, – сказала Наоми и повернулась в сторону кухни.

– Фред угощал меня своим, таким хорошим, что для обычного я впредь пропал. Еще одна отрицательная сторона

нашей с ним встречи.

Входная дверь скользнула в сторону, и в квартиру ввалился Амос с большими пакетами в руках. Вокруг него витали запахи карри и лука.

– Пожевать принес, – сказал он, плюхнув пакеты на стол перед Холденом. – Эй, кэп, когда мне вернут мой корабль?

– Еда? – громко и сонно осведомился из гостиной Алекс.

Амос не ответил, он уже вынимал из мешков и расставлял по столу пенокартонные упаковки. Холден думал, что с досады ему будет не до еды, но запах индийской кухни заставил поменять планы.

– Долго не получишь, – с набитым ртом ответила Амосу Наоми. – Мы помяли оружейное гнездо.

– Дрянь дело, – вздохнул Амос, сев и ухватив палочки для еды. – Стоило на пару недель оставить вас без присмотра, и вы измордовали моего малютку.

– Супероружие пришельцев, – напомнил Алекс, входя в комнату. Помятая со сна шевелюра дыбом стояла у него на голове. – Изменялись законы природы, совершались ошибки...

– Те же яйца, только в профиль, – отмахнулся Амос и вручил пилоту мисочку риса с карри. – Включи-ка звук, похоже, там Илос.

Наоми увеличила звук, и голос диктора наполнил квартиру:

«...Подача энергии частично восстановлена, но местные

источники сообщают, что это еще...»

– Настоящая курятина? – восхитился Алекс, хватая один из пакетов. – Разлагаемся, а?

– Цыц! – отрезал Амос. – О колонии говорят.

Алекс закатил глаза, но замолчал, наваливая себе на тарелку пряные кусочки мяса.

«...еще одна новость: на этой неделе в СМИ просочились сведения о расследовании прошлогодней атаки на верфи Каллисто. Доклад не окончен, но предварительный вариант указывает, что в атаке участвовали радикальные фракции Альянса Внешних Планет, и возлагает вину за многочисленные потери...»

Амос гневно ткнул в панель управления, отключив звук.

– Черт, я желаю слушать про Илос, а не про тупых ковбоев АВП, подставившихся под взрыв.

– Интересно, знает ли Фред, что за этим стоит, – вставил Холден. – Умеренным из АВП доставляет немало головной боли их теология: «мы против всей Солнечной системы».

– А чего они вообще-то добивались? – спросил Алекс. – На Каллисто не было тяжелого вооружения. Ни единого ядерного заряда. Ничего, оправдывающего такой налет.

– Мы что, здравого смысла ждем от этих психов? – удивился Амос. – Передай мне тот наан.

Холден вздохнул и развалился на стуле.

– Понимаю, что выгляжу наивным идиотом, но я правда думал, что после Илоса нам светит немножко мира. Чтоб не

приходилось друг друга взрывать.

– На то и похоже, – сказала Наоми и, сдержав отрывку, отложила палочки. – Земля с Марсом пребывают в настороженном перемирии, законопослушное крыло АВП не дерется, а правит. На Илосе колонисты сотрудничают с ООН, а не стреляют друг в друга. Пока всё неплохо. Нельзя ожидать, что все настроятся на ту же волну. Как-никак мы люди. Какой-то процент дряни всегда останется.

– Истинная правда, босс, – поддержал Амос.

Доев, они посидели несколько минут в дружеском молчании. Амос достал из маленького холодильника пиво и пустил по кругу. Алекс розовым ногтем ковырял в зубах. Наоми вернулась к отчетам о ремонте.

– Так, – заговорила она, повозившись несколько минут с расчетами, – хорошая новость: даже если ООН с АВП решат, что за ремонт мы должны платить сами, мы сумеем покрыть расходы, не затронув аварийного фонда.

– Будет много работы – доставлять колонистов за кольца, – сказал Алекс. – Когда мы снова сможем летать.

– Да, сколько-то компоста в грузовой трюм поместится! – фыркнул Амос. – К тому же так ли нам нужны клиенты из числа разорившихся и отчаявшихся?

– Давай смотреть правде в лицо, – остановил его Холден. – Если дела и дальше так пойдут, для частного военного корабля работы будет немного.

Амос расхохотался.

– Позволь вставить свое «я-же-говорил» прямо сейчас. Потому что, если я, как всегда, окажусь прав, случая может и не представиться.

Глава 2. Алекс

Больше всего Алекс Камал любил долгие рейсы за то, что в них менялось ощущение времени. Те недели, а порой и месяцы, что он проводил на ускорении, казались переходом из всеобщей истории в маленькую отдельную вселенную. Мир сужался до размеров корабля и команды на нем. Кроме обычных работ по профилактике, делать было нечего, и жизнь теряла свой бешеный темп. Всё шло по плану, а в плане значилось: «Никаких чрезвычайных происшествий». Путь через пустоту космоса внушал Алексу ничем не оправданное чувство покоя и благополучия. Вот почему он считал себя пригодным для этой работы.

Он отдавал себе отчет, что у других молодых мужчин и женщин бывало иначе. Во времена службы во флоте Алекс знал пилота, который много работал на внутренних рейсах между Землей, Луной и Марсом. Потом он подписался лететь к Юпитеру под командой Алекса. Прошло столько времени, сколько обычно бывает нужно на внутренний рейс, – и парень совсем расклеился: злился по пустякам, то обжирался, то отказывался от еды, бродил по кораблю от центра управления к машинному залу и обратно, как тигр по клетке. На подлете к Ганимеду Алекс сговорился с судовым врачом, и пилоту стали добавлять в еду седативные препараты – а то мало ли что. Когда всё закончилось, Алекс дал парню

совет больше не подписываться на дальние рейсы. Есть вещи, которым нельзя научиться, – и только на опыте ты узнаешь, можешь ты это или нет.

Не то чтобы у Алекса не было забот и проблем. После гибели «Кентербери» он носил в себе немало тревоги. Их четверых не хватало, чтобы справляться со всеми делами по «Росинанту». Амос с Холденом – двое мужчин с характерами, – сшибись они рогами, развалили бы команду вдребезги. Капитан со старпомом стали любовниками, и разрыв между ними поставил бы крест не только на трудовых отношениях. Алекс всегда беспокоился о таких вещах, в какой бы команде он ни работал. Но на «Роси» угрозы существовали годами, а с катушек никто не съезжал, и это само по себе было чем-то вроде стабильности. Так или иначе, Алекс всегда чувствовал облегчение, когда заканчивал рейс – и когда начинал новый. Ну, если не всегда, то обычно.

Прибытие на Тихо сулило облегчение. Алекс никогда не видел «Роси» в таком ужасном состоянии, а Тихо славилась лучшими верфями в системе – и самой дружелюбной администрацией. Судьба пленника с Новой Терры теперь была не его заботой, так что Алекс сошел на берег. Второй корабль новотерранского конвоя, «Эдвард Израэль», благополучно летел дальше в сторону Солнца. Ближайшие шесть месяцев обещали только ремонт и отдых. По всем разумным меркам, Алекс должен был тревожиться меньше.

– Так что тебя гложет? – спросил Амос.

Алекс пожал плечами, открыл маленький холодильник, закрыл и еще раз пожал плечами.

– Зуб даю, что тебя что-то гложет.

– Что-то вроде того.

Прозрачное желтовато-голубое освещение имитировало раннее утро, но Алекс недоспал. Или переспал. Амос присел к стойке и налил себе кофе.

– Мы ведь не будем заниматься этими глупостями, когда один задает другому вопрос за вопросом, помогая облегчить душу?

– Такое никогда не помогает, – рассмеялся Алекс.

– Так давай не будем.

В рейсе Холден с Наоми склонны были замыкаться друг на друге – хотя оба этого не замечали. Естественно, что парочке комфортнее проводить время вдвоем, чем с остальными членами команды. Случись иначе, Алекса бы это обеспокоило. Но в результате он общался преимущественно с Амосом.

Алекс гордился тем, что способен поладить почти с кем угодно, и с Амосом он тоже нашел общий язык. Амос не умел намекать. Если он говорил, что ему надо побыть одному, значит, именно это он и имел в виду. Когда Алекс спрашивал, не хочет ли тот посмотреть новые фильмы в жанре неонуар, выписанные с Земли, Амос отвечал на вопрос и только на вопрос. Никаких намеков на старые размолвки, вежливой мести и игры в «я с тобой не разговариваю». Хочет

или не хочет, и только. Иногда Алекс задумывался, каково бы ему было, если б на «Доннаджере» погиб Амос и следующие несколько лет ему пришлось бы провести с прежним корабельным медиком, Шедом Гарвеем.

Может, вышло бы хуже. А может, Алекс приспособился бы.

Кто знает.

– Сны снятся... Не дают покоя, – сказал Алекс.

– Кошмары, что ли?

– Нет. Хорошие сны. Лучше, чем настоящий мир. Мне тяжело просыпаться.

– Ха, – задумчиво хмыкнул Амос и отхлебнул кофе.

– У тебя бывали такие сны?

– Не-а.

– Штука в том, что в каждом сне – Тали.

– Тали?

– Талисса.

– Твоя бывшая жена...

– Да, – ответил Алекс. – В каждом сне она, и в каждом всё... хорошо. Я хочу сказать не то, что мы вместе. Иногда я снова вижу себя на Марсе. Иногда она оказывается на корабле. Просто она есть, и нам хорошо, а потом я просыпаюсь, и ее нет, и мне плохо. И...

Амос поджал губы, насупил брови, лицо его сложилось в гримасу задумчивости.

– Хочешь снова заарканить свою бывшую?

– Нет, на самом деле не хочу.

– Невтерпеж, а?

– Нет, во сне мы не занимаемся сексом.

– Тогда это от одиночества. Ну или... не знаю.

– Это еще там началось. – Алекс имел в виду – за Кольцом, на орбите Новой Терры. – Я помянул ее в одном разговоре – и с тех пор... Я ее подвел.

– Угу.

– Она столько лет меня ждала, а я просто оказался не тем, чем хотел быть.

– Не тем. Хочешь кофе?

Амос налил ему чашку. Сахара механик класть не стал, зато недолил где-то треть – оставил место под сливки. Члены команды знали друга друга как родных.

– Мне не нравится, в каком положении я ее оставил, – сказал Алекс. Сказал просто, не так, как произносят откровения, но в его словах была тяжесть признания.

– Угу, – согласился Амос.

– Иногда я думаю, что это шанс.

– Это?

– Ну, «Роси» надолго застрял в сухом доке. Я мог бы слетать на Марс, повидать ее. Извиниться.

– А потом снова слинять от нее, чтобы успеть к нам, пока корабль не ушел?

Алекс уставился в кофе.

– Кое-что я могу исправить.

Амос тяжело пожал плечами.

– Значит, слетай.

В голове вертелись десятки возражений. Они четверо не расставались с тех пор, как осознали себя командой, и казалось, что разбивать компанию – не к добру. Он может понадобиться ремонтникам на Тихо, или они что-то переделают на корабле, а он узнает, когда будет слишком поздно. Или, еще хуже, он улетит и уже не вернется. Если Вселенная за последние несколько лет и научила его чему, так это тому, что нет ничего постоянного.

Алекса спас гудок ручного терминала. Амос выудил из кармана аппарат, глянул, стукнул пальцем по экрану и поморщился.

– У меня приватный разговор.

– Конечно, – сказал Алекс, – нет проблем.

За дверью их номера длинными плавными изгибами растянулась станция Тихо – один из самоцветов в короне Альянса Внешних Планет. Церера была больше, а «Медина» удерживала жуткую и непонятную нуль-зону между кольцами, но именно станция Тихо с самого начала стала считаться гордостью АВП. Обводы корпусов пристыкованных кораблей, больше похожих на парусники, – их изящество не объяснялось одной только функциональностью. Красота станции была показухой. Здесь обитали умные головы, раскрутившие Эрос и Цереру, здешние верфи строили самые большие суда в истории человечества. Не так уж много поколений назад

сюда добрались мужчины и женщины, преодолевшие бездну за орбитой Марса, – те, у кого хватило ума и силы сюда добраться.

Алекс шагал по длинной прогулочной палубе. Обгонявшие его люди все были астерами: тела слишком вытянутые по земным стандартам, головы слишком крупные. Алекс и сам вырос в относительно низком поле тяжести Марса, но всё же отличался от тех, чью физиологию сформировало детство в невесомости.

Свободные места в широких коридорах занимали растения. Гравитация вращения позволяла им виться по стенам, как при нормальном земном притяжении. В холлах мелькали дети – прогуливали школу, так же как он сам когда-то в Лондрес-Нове. Алекс пил кофе и пытался вернуть себе покой, так хорошо знакомый ему по рейсам. «Ведь станция Тихо, – думал он, – такое же искусственное сооружение, как „Роси“. Вакуум за ее обшивкой не менее грозен». Но покой не приходил. Станция Тихо не была кораблем – и не была ему домом. Люди, обгонявшие его на пути в кают-компанию, или те, которых он видел за прозрачной многослойной керамикой в сверкающем пространстве верфей, не были ему родными. И он не мог избавиться от мыслей о том, что сказала бы Тали. Если б только она попала сюда и увидела в этом красоту, какой он сам никак не мог увидеть в их жизни на Марсе!

Когда в чашке показалось дно, пилот повернул обратно.

Он держался в потоке пешеходного движения, направляясь к электрокарам и обмениваясь вежливыми приветствиями на астерском арго – многоязычной лингвистической катастрофе. Он почти не думал, куда идет, пока не оказался на месте.

Полуободранный «Роси» лежал в вакууме. С разрезанной внешней обшивкой и с внутренней, блестящей в огнях стройки свежим покрытием, он выглядел маленьким. Шрамы, оставленные былыми приключениями, уродовали большей частью внешнюю обшивку. Теперь они исчезли, и остались только глубокие раны. Отсюда Алекс их не видел, но знал расположение каждой. Он провел на «Росинанте» срок, какого не проводил ни на одном корабле, и полюбил его больше всех. Даже больше своего первого.

– Я вернусь, – сказал он кораблю, и на изгибе дюзы, словно в ответ, сверкнула сварка – ярче солнца в марсианском небе.

* * *

Комнаты Наоми и Холдена были следующими по коридору от их с Амосом каюты, створка двери так же выглядела по-домашнему деревянной, и номер на стене блестел так же ярко.

Алекс вошел без стука, застав разговор на середине.

– ...Если считаешь нужным, – прозвучал из большой комнаты голос Наоми. – Но, по-моему, по всем признакам всё чисто. Миллер ведь ни разу не возвращался?

– Нет, – признал Холден, кивнув Алексу. – Но от одной мысли, что мы так долго носили на корабле эту дрянь и сами о ней не знали, у меня мурашки по коже. А у тебя нет?

Алекс протянул свою чашку, Холден машинально взял ее и налил кофе. Сахара не положил, место для сливок оставил.

– Жутко, – уже из кухни отозвалась Наоми. – Но не настолько, чтобы из-за этого снимать чертову переборку. Замена всегда хуже оригинала, сам знаешь.

С Наоми Нагатой Алекс познакомился еще на «Кентербери». Он ясно помнил костлявую злую девицу, которую капитан Макдоуэлл представил как нового младшего инженера.

Она чуть не год прятала лицо за волосами. Теперь в этой черной копне появились первые белые нити. И держалась она теперь прямее, и была в большем мире с содержимым собственной головы. А еще выглядела уверенной в себе и сильной – раньше он не поверил бы, что такое возможно. А Холден – надутый от сознания собственной важности старпом, бахвалившийся как наградой позорной отставкой, выбросившей его в гражданский флот, – превратился вот в этого мужчину, который протягивает ему сливки и бодро признаётся, что его одолевает иррациональный страх. Наверное, время изменило каждого из них. Только перемен в самом себе Алекс не мог оценить. «Слишком близко, не разобрать», – подумал он.

Впрочем, Амос не изменился. Что бы ни случилось, он оставался прежним.

– А ты что скажешь, Алекс?

Он усмехнулся, переключаясь на протяжный ковбойский говорок долины Маринер:

– Да чего там! С ней не померли, так и без нее не померем.

– Ясно, – вздохнул Холден.

– Сэкономим деньги, – гнула свою линию Наоми, – и упростим себе жизнь.

– Понимаю, – ответил Холден, – но мне всё же беспокоит.

– Амос-то где? – осведомилась Наоми. – Всё по девкам шляется?

– Нет, – ответил Алекс. – Он в первые же дни оставил в борделях все карманные деньги. С тех пор мы просто убиваем время.

– Надо придумать, к чему его приспособить здесь, на Тихо, – заметил Холден. – Черт, нам всем не помешало бы подыскать занятие.

Алекс набрал в грудь воздуха. Вот подходящий момент. Решимость его поколебалась. Он подлил в кофе сливок – черная жидкость окрасилась в нежный бежевый цвет. В горле стоял ком, здоровенный, как яйцо.

– Я тут... – начал он, – я... кое-что надумал.

Но тут дверь каюты открылась, и вошел Амос.

– Эй, капитан, мне отпуск нужен.

Наоми склонила голову к плечу и свела брови, но ответил механику Холден:

– Отпуск?

– Да, слетаю ненадолго на Землю.

Наоми опустилась на табуретку у стойки для завтрака.

– Что стряслось?

– Не знаю, – ответил Амос. – Может, и ничего, но вроде как, пока не посмотришь, не узнаешь. Надо кое-что проверить.

– Что-то не так? – спросил Холден. – Если что-то случилось, лучше дождаться, пока починят «Роси», – тогда слетаем вместе. Я давно ждал повода свозить на Землю Наоми, познакомить с семьей.

Выражение обиды скользнула по лицу Наоми и пропало раньше, чем Алекс успел осознать это. Ему становилось не по себе, когда Холден выталкивал Наоми из зоны комфорта и даже не замечал, что натворил. Впрочем, она опомнилась еще до того, как вмешался Амос:

– Придется тебе и дальше ждать повода, кэп. У меня дело спешное. Умерла одна леди, с которой я, бывало, проводил время. Мне просто нужно убедиться, что всё так, как кажется на первый взгляд.

– О, как жаль! – проговорила Наоми, а Холден одновременно с ней спросил:

– Ты должен позаботиться о ее имуществе?

– Ну да, что-то в этом роде, – кивнул Амос. – Словом, я забронировал место на транспорте до Цереры и дальше, в колодец, но часть моей доли придется обналичить на расхо-

ды внизу.

На минуту в комнате стало тихо.

– Но ты собираешься вернуться? – спросила Наоми.

– Собираюсь, – ответил Амос.

Алексу подумалось, что это честнее, чем «да». Амос собирается, но случиться может всякое. Ни на «Кенте», ни на «Роси» Алекс не слышал от механика рассказов о Земле, кроме как в самых общих словах. Пилот гадал: то ли прошлое его не стоило упоминания, то ли было слишком болезненной темой для разговоров. Зная Амоса, он допускал, что причиной могло оказаться и то и другое сразу.

– Хорошо, – произнес Холден. – Ты только скажи, сколько тебе надо.

Они быстро договорились и сделали перевод через ручные терминалы. Амос, ухмыльнувшись, хлопнул Алекса по плечу.

– Ну вот. Квартира целиком твоя.

– Когда летишь? – спросил Алекс.

– Примерно через час. Пора уже идти.

– Хорошо, – отозвался Алекс. – Береги себя, приятель.

– Само собой! – бросил Амос и вышел.

Оставшиеся трое молчали. Холден выглядел ошеломленным, Наоми случившееся как будто позабавило. Алекс чувствовал себя нечто среднее.

– Ну, он меня удивил, – заговорил Холден. – Как думаете, с ним ничего не случится?

– Это же Амос, – напомнила Наоми. – Я больше беспокоюсь за тех, кого он собрался проверять.

– И то верно, – признал Холден и развернулся на стойке лицом к Алексу. – Так или иначе... Ты, говоришь, что-то надумал?

Алекс кивнул. «Я думал о том, как трудно разбивать семью, – хотел сказать он, – и о семье, которую я уже разбил, и что мне надо повидаться с бывшей женой и попробовать как-то разобраться, кто мы друг другу и что натворили». Впрочем, сейчас всё это прозвучало бы смешно.

– Да я вижу, что мы надолго встали в док, и подумываю слетать на Марс. Проверить, как там моя берлога.

– Хорошо, – сказал Холден. – Но ты ведь вернешься к окончанию ремонта, а?

Алекс улыбнулся.

– Собираюсь.

Глава 3. Наоми

Стол для голго был готов к игре, первая и вторая мишени еще нетронуты. Поле пока пустовало. Гулкие басы из большого зала «Блоуи-Блум» докатывались вибрацией палубы и рокотом, который не мешал разговору. Наоми взвесила в ладони стальной шарик, нащупывая зыбкое, разное на каждой станции соотношение массы с весом. Напротив нее ждали Малика и еще несколько ремонтников. Одна из них пила «Блумини» – ярко-лазурная жидкость испачкала ей губы как помада. Наоми не играла в голго три... нет, четыре года, а эти упражнялись каждый четверг. Она снова взвесила шарик, вздохнула и запустила. Шары противников тут же метнулись наперехват.

Так играют против новичков. Наоми давно не тренировалась, но и новичком не была. Стол обозначил окончание хода, и отметка Наоми появилась далеко за разделительной линией. Ее команда разразилась приветственными криками, команда Малики застонала. Все улыбались. Игра была дружеской, хотя дружили между собой здесь не все.

– Следующий, следующий, – закричал кто-то из новых товарищей по команде, махнув Наоми широкой бледной ладонью. Его звали Пэр или Паар – что-то в этом роде. Наоми вернула себе стальной шар и перебросила ему. Парень улыбнулся, мельком окинув взглядом ее фигуру. Не светит ему,

поганцу. Наоми отступила, и Малика придвинулась к ней.

– Ты хватки не потеряла, – похвалила она.

Голос у нее был красивый – акцент Цереры накладывался на более резкие тона глубинного Пояса.

– Я много играла, когда была здесь в прошлый раз, – сказала Наоми. – Если чему научилась в молодости, уже не забудешь, да?

– И захочешь, а не забудешь, – засмеялась Малика, и Наоми рассмеялась вместе с ней.

Малика жила в комнатах тремя уровнями ниже и в тридцати градусах по направлению вращения от клуба.

В прошлый раз, когда Наоми гостила у нее, стены были затянуты шелком с коричнево-золотистым узором, а воздух пах палочками из искусственного сандала, не засорявшими воздухопроводы. Наоми две ночи провела в спальнике на палубе, засыпая под резкую музыку и тихие голоса Малики и Сэм. Только теперь Сэм нет в живых, Наоми вернулась вместе с Джимом, а человечество получило в наследство тысячи солнц в двух годах пути под тягой. Смеясь вместе с Маликой и ее командой, Наоми сама не знала, чему удивляться: насколько сильно всё переменялось – или насколько мало.

Малика тронула Наоми за плечо, наморщила лоб.

– Бист ажа?

– Просто мысли, – отозвалась Наоми, с трудом подстраиваясь под ритм астерского сленга.

У нее заржавели не только навыки игры в голго.

Малика опустила уголки рта, а игроки у стола разразились криками восторга и отчаяния. На миг Сэм как будто тоже мелькнула среди них. Не как живая женщина – рыжеволосая язва, то и дело вставляющая в речь детские словечки вроде «бо-бо», говоря о пробитом метеоритом корпусе. Как память о месте, которое она раньше занимала, и как общая мысль двух женщин: кого-то не хватает.

Паар, или Пэр, передал удар следующему – Сакаи, новому главному инженеру. Противники насмешливо хлопали его по спине. Наоми подошла оценить потери. Ей было на удивление уютно в кругу астеров – и только астеров. Она любила свою команду, но та состояла из двух землян и марсианина. Случалось, Наоми выпадала из их разговоров.

Джима она почувствовала, не оборачиваясь. Все игроки как один уставились через ее плечо. В округлившись глазах плескалось волнение. Никто этого не сказал, но всё равно было слышно: «Смотрите, смотрите, Джеймс Холден!»

Так легко было забыть, кто такой Джим. Человек, который начал две войны и сыграл немаловажную роль в окончании обеих. Человек, который провел сквозь Кольцо первый пилотируемый корабль – по крайней мере, первый из выживших. Который побывал на чужой базе в центре Медленной Зоны и вернулся назад. Который пережил катастрофу на станции Эрос и гибель «Агаты Кинг». Который ступил на поверхность Новой Терры – первой человеческой колонии на нечеловеческой планете – и выковал для нее хруп-

кий, ненадежный мир. Наоми почти стеснялась того, как люди реагируют на появление Холдена – того, который мелькал на экранах и в новостях. Она-то знала, что Джим – совсем не Джеймс Холден, но какой толк об этом говорить? Есть вещи, которые остаются тайной, сколько о них ни болтай.

– Привет, любимая, – пробормотал Джим, обняв ее одной рукой. В другой он держал грейпфрутовый мартини.

– Это мне? – спросила она, отобрав коктейль.

– Надеюсь. Я это в рот взять не рискну.

– Хой, койо! – Пэр, или Паар, протягивал ему стальной шар. – Хочешь бросить?

Народ у стола взвыл от смеха. Кто-то смеялся от радости: «С нами играет сам Джеймс Холден!» – а кто-то и злорадно: «Посмотрим, как будет выпутываться, большая шишка!» Всё это не имело отношения к живому человеку. Наоми задумалась, догадывается ли он, как переменял все, едва войдя в комнату. Скорее всего, не догадывается.

– Нет, – с ухмылкой отказался Джим, – я в этом деле никуда не гожусь. Не знаю, с какого конца взяться.

Наоми склонилась к Малике.

– Мне надо идти. Спасибо большое, что приняли. – Она имела в виду: «Спасибо, что приняли меня в круг других астеров как свою».

– Тебе тадамс рады, койа-мис, – ответила Малика.

Это значило: «Ты не виновата в смерти Сэм. А если и виновата, я тебя прощаю».

Наоми ухватила за локоть Джима и позволила ему вырвать в большой зал бара. Как только они прошли в дверь, на них обрушилась музыка, сопровождаемая вспышками света. На танцплощадке плясали парами и группами. Было время – давным-давно, до знакомства с Джимом, – когда она с удовольствием напилась бы в стельку и кинулась в толчею тел. Она с любовью вспоминала девчонку, которой была когда-то, но желая вернуть молодость не испытывала. Остановившись у бара, Наоми допила мартини. Место оказалось слишком шумным, чтобы разговаривать, поэтому она развлекалась, наблюдая, как люди замечают Джима и на их лицах возникает выражение: «Он или не он?» Уж Джим-то точно хотел бы вернуться в былые деньки. Он не стремился стать центром внимания. Наоми любила его отчасти и за это.

Когда стакан опустел, Наоми взяла Джима под руку, и они выбрались в коридор. На входе ждали люди – почти все астеры. Выходить пришлось под их взглядами. На Тихо была ночь, но это ничего не значило. Станция действовала в режиме трех восьмичасовых периодов: отдых, работа, сон. Круг знакомств определялся тем, в какую смену ты трудился – как если бы в одном пространстве находились три разных города. Этот мир всегда оставался незнакомым на две трети. Наоми обняла Джима за талию и притянула к себе так, чтобы чувствовать движение его бедра своим.

– Надо поговорить, – сказала она.

Он немного напрягся, но ответил легко и весело:

– Как женщине с мужчиной?

– Хуже. Как старпому с капитаном.

– Что такое?

Они вошли в лифт, и Наоми нажала кнопку своей палубы. Под гудение плавно закрывающихся дверей она собиралась с мыслями. Не то чтобы она не знала, что сказать. Но ему тема разговора понравится не больше, чем нравилась ей.

– Нам придется добирать людей в команду.

Она достаточно разбиралась в молчании Джима, чтобы понять, о чем он думает. Его лицо стало пустым, глаза заморгали чуть чаще обычного.

– Правда? – отозвался он. – По-моему, мы отлично справляемся и так.

– Справлялись. «Роси» – военный корабль. Умная машина. Автоматика, резервные системы. Только потому мы до сих пор и обходились одной третью стандартного состава.

– И еще потому, что лучшего состава небо не видывало!

– И это тоже. По навыкам и надежности мы – сильная группа. Но хрупкая.

Лифт остановился, от сложного движения вращающейся станции и самой кабинки мир словно покачнулся. Или дело было не только в движении.

– Не совсем понимаю, почему хрупкая, – сказал Джим.

– Мы ходим на «Росинанте» с тех пор, как увели его с «Доннаджера». И ни разу не сменялись, состав всё тот же. Вспомни хотя бы один такой же корабль. На «Кентербе-

ри» в иных рейсах четверть состава впервые знакомялась с остальными на борту. А...

Дверь скользнула в сторону. Они шагнули наружу, дав дорогу другой паре, входившей в лифт. Пока дверь закрывалась, Наоми успела услышать, о чем они шепчутся. Джим молчал почти до самой каюты. А когда заговорил, голос звучал тихо и задумчиво:

– Думаешь, кто-то из них не вернется? Амос? Алекс?

– Я думаю, что всякое случается. При сильных перегрузках люди иногда вырубаются. «Сок» помогает, но не дает стопроцентной гарантии. В нас, бывало, стреляли. Нас обездвигивали на нисходящей орбите, помнишь?

– Конечно, но...

– Стоит нам кого-то потерять, треть стандартной команды превратится в четверть. И вдобавок мы лишимся незаменимого специалиста.

Холден застыл перед самой дверью каюты.

– Стоп-стоп-стоп! Потерять?

– Да.

Его глаза округлились, как от удара, вокруг собрались горестные морщинки. Наоми попыталась их разгладить, но морщинки не исчезали.

– Ты что, готовишь меня к смерти кого-то из команды?

– Всю свою историю люди были стопроцентно смертны.

Джим начал говорить, сбился, отпер наконец дверь и вошел в каюту. Наоми шагнула за ним и закрыла дверь. Ей хо-

телось закрыть и тему, но она сомневалась, смогут ли они еще вернуться к этому разговору.

– В обычной команде у нас было бы по двое на каждый пост. В случае смерти или ранения любому нашлась бы замена.

– Я не возьму на борт еще четырех человек, а тем более восьмерых, – огрызнулся Джим, уходя в спальню.

Он словно сбежал от разговора. Только куда он денется? Наоми подождала, пока тишина, отчаяние и тревога – не рассердилась ли она – заставят Джима вернуться. На это ушло примерно пятнадцать секунд.

– У нас нет обычной команды, потому что мы – необычная команда. Мы собрались на «Роси», когда за нами охотилась вся система. Корабль-невидимка подстрелил под нами крейсер. Мы потеряли тогда «Кентербери» и Шеда. Пройдя через такое, невозможно остаться нормальными.

– Что, собственно, ты хочешь сказать?

– У этого корабля нет команды. Мы не команда. Мы семья.

– Верно, – согласилась Наоми. – В том-то и беда.

Они уставились друг на друга с разных концов комнаты. Джим двигал челюстью, возражения не шли у него с языка. Он знал, что Наоми права, но предпочел бы, чтобы она ошибалась. Она видела, как он признается перед собой, что выхода нет.

– Хорошо, – выговорил он. – Когда вернутся остальные,

я поговорю насчет собеседований. Выберем пару человек на один-два рейса. Если они нормально притрутся, может, и возьмем на постоянную должность.

– Звучит разумно, – сказала Наоми.

– Придется менять баланс корабля, – добавил Холден.

– Всё меняется... – Она обняла его.

Они заказали ужин из псевдоиндийского ресторанчика: карри и генно-модифицированный рис с текстурированной белковой плесенью, не отличимой от говядины. Остаток вечера Холден усердно бодрился, скрывая от Наоми беспокойство. Ему это, конечно, не удалось, но она оценила его старания. После ужина они смотрели развлекательные программы, пока в их комфортном распорядке дня не настало время выключать экран и идти в постель. Секс с Холденом был восхитительным с самого начала, с тех пор как они впервые решились проверить, такая ли глупость секс между капитаном и старпомом. Теперь он стал разнообразнее, спокойнее и игривее. И лучше утешал. Потом, лежа на гелевом матрасе со сбившимися в ноги простынями, Наоми ушла в рассеянные мысли. Вспоминала «Роси», и Сэм, и книгу стихов, которую читала в детстве, и музыкальную группу, на которую ее посадил старший инженер «Кентербери». Воспоминания уже переходили в спутанное сновидение, когда ее разбудил голос Джима:

– Не нравится мне, что они разлетелись.

– М-м-м?

– Алекс с Амосом. Мне не нравится, что они улетели. Вот случится с ними что-нибудь, а мы здесь. Я даже не смогу запустить «Роси» и броситься на помощь.

– Всё с ними будет нормально, – пробормотала Наоми.

– Знаю. В общем-то знаю. – Он приподнялся на локте. – Ты и вправду не волнуешься?

– Может, самую малость.

– Конечно, я понимаю, они взрослые люди, но если что...

Если они не вернуться...

– Будет плохо, – сказала Наоми. – Мы столько лет полагались исключительно друг на друга.

– Да... – Помолчав, Холден спросил: – Ты не знаешь, кто та леди, из-за которой улетел Амос?

– Не знаю.

– Думаешь, его любимая?

– Не знаю, – повторила Наоми. – Мне сдаётся, скорее, кто-то, кто заменил ему мать.

– Хм-м, может быть. Не знаю, почему мне подумалось о любовнице. – Его голос стал невнятным, Холден уже засыпал. – Слушай, а разрешишь задать тебе неприличный вопрос?

– Попробую ответить.

– Почему вы с Амосом не сошлись? Я имею в виду на «Кенте».

Наоми расхохоталась и, перевернувшись, положила ему ладошку на грудь. Ей как в первый раз приятно было вдыхать

запах его кожи.

– Ты это серьезно? Ты не обращал внимания, какой он сексуальный?

– Думаю, мы с Амосом не в тех отношениях...

– Да, тебе это ни к чему, – усмехнулась Наоми.

– Хм-м. Ну, ладно. Я просто подумал, понимаешь ли...

Он ведь долго летал с тобой на «Кенте» и о том, чтоб уйти с «Роси», ни разу не заговаривал.

– На «Роси» он остался не из-за меня, – сказала Наоми, – а из-за тебя.

– Из-за меня?

– Он тебя использует как внешнюю, приставную совесть.

– Ничего подобного!

– Именно так. Нашел человека с твердыми этическими установками и следует за ним, – заверила Наоми. – Для Амоса это способ не быть чудовищем.

– Зачем ему способ не быть чудовищем? – Сон уже накрывал Холдена.

– Затем, что он и есть чудовище, – в последнем проблеске сознания буркнула Наоми. – Потому мы и ладим.

* * *

Сообщение пришло через два дня. Наоми его не ждала. Она в изолирующем скафандре вместе с главинженером Сакаи проверяла ход работ. Сакаи как раз объяснял, поче-

му ищет для соединения внутреннего и наружного корпусов другой керамический сплав, когда на экран выскочило внеочередное сообщение. Страх, охвативший Наоми, был отзвуком их с Холденом разговора. Что-то случилось с Алексом! Или с Амосом... – Подожди, – попросила она, и Сакаи в ответ поднял сжатый кулак.

Наоми запустила сообщение. На плоском экранчике загорелся рассеченный круг АВП, а когда он исчез, на его месте остался Марко. С годами его лицо чуть располнело, изгиб скул смягчился. Но кожа была такого же сочного и глубокого цвета, и руки, сложенные во время записи на столе, остались такими же тонкими. Грустный юмор, сквозивший в его улыбке, словно утянул Наоми в дыру времени.

Сообщение прервал сигнал встроенной медсистемы. Участился пульс, подскочило кровяное давление. Наоми отключила предупреждение, и голос мягко забился в ее ушах, потом стал плавным – передача наладилась.

«Прости, я знаю, что ты не хочешь со мной общаться. В оправдание скажу, что до сих пор я не напоминал о себе. И сейчас мне это нелегко далось».

«Выключи! – думала она. – Останови передачу. Сотри. Всё равно всё это ложь. Ложь или та часть правды, которая ему выгодна. Сотри и забудь!»

Марко отвел взгляд от камеры. Как будто прочел ее мысли или заранее их знал.

«Наоми, я не согласился с твоим решением, когда ты

ушла, но всегда его уважал. Даже когда ты стала появляться в новостях, так что все знали, где тебя искать, я не выходил на связь. И теперь обращаюсь к тебе не ради себя».

Слова были сухими, теплыми, осторожными: безупречная речь человека, так хорошо говорящего на втором языке, что он звучит неестественно. Никаких его астерских словечек. И в этом году изменили Марко.

«Син и Карал шлют тебе любовь и уважение, а кроме них, никто не знает, что я с тобой связался. И почему. Они сейчас на станции Церера, но надолго там остаться не смогут. Мне нужно, чтобы ты встретила с их командой и... Нет, извини. Это всё не то, не следовало так говорить. Просто я растерялся. Не знаю, что делать, и, кроме тебя, мне не к кому обратиться.

Речь о Филипе. Он попал в беду».

Глава 4. Амос

У него болело горло.

Амос сглотнул, надеясь протолкнуть комок внутрь, но стало только хуже. Словно он наглотался песка. Медотсек «Роси» три месяца назад точно по расписанию накачал его полным набором вакцин и профилактических антибактериальных средств. Так что болезни Амос в расчет не принимал – но вот, заболел. В горле будто застрял мяч для гольфа.

Вокруг, как муравьи в муравейнике, кишели местные и пассажиры космопорта Цереры. Голоса их сливались в неразборчивый гул, ненавязчивый, словно тишина. Амос с юмором подумал, что никому на Церере не понять его сравнения. Он и сам два десятка лет не видел муравьев, но мальчишкой не раз наблюдал, как они тащат к себе таракана или обчищают крысиный скелет. Воспоминания были живыми и яркими. Муравьи наравне с тараканами и крысами выучились жить в соседстве с людьми. Бетон городов заполонил половину земного шара, половина животных попала в списки исчезающих видов, но за муравьев никто не волновался. Спасибо, не беспокойтесь, с ними всё в порядке, крошки фастфуда ничуть не хуже дохлой лесной живности.

Приспосабливайся или умри.

Будь у Амоса философия, она бы в этом и состояла. Леса сменяются бетоном. Попадешься на дороге, в него и заката-

ют. А вот если научишься жить в трещинах, тебе ничего не грозит.

Трещины есть везде.

Вокруг него кишел муравейник Цереры. Те, кто был на вершине пищевой цепочки, покупали закуски или билеты на челноки, а то и на дальние рейсы. Но и в здешних трещинах народ тоже обитал. Девчонка лет десяти, не старше, с грязными длинными волосами, в розовом спортивном костюме, из которого давно выросла, исподтишка разглядывала пассажиров. Поджидала, пока можно будет стянуть оставленный на минуту без присмотра багаж или ручной терминал. Поймав на себе взгляд Амоса, она метнулась к служебному люку в основании стены.

Хоть в трещине – но живет. Приспособилась, а не умерла.

Амос снова сглотнул, поморщился от боли. Услышав гудок ручного терминала, он поднял взгляд на табло расписания, занимавшего половину обзора в зале. Яркие желтые буквы на черном фоне – разборчивость здесь важнее красоты. Дальний рейс на Луну подтвержден, вылет через три часа. Амос постучал по экранчику терминала, сообщая автоматической системе, что будет на борту, и стал искать, как убить время.

У выхода оказался бар, так что долго искать не пришлось.

Не желая напиваться, Амос ограничивался пивом: пил медленно, методично и махал бармену с таким расчетом, чтобы новый стакан поспевал к окончанию предыдущего.

Ему хотелось забыться и расслабиться, и он хорошо знал кратчайший способ.

Бар не баловал играми и развлечениями, поэтому Амос сосредоточился на стакане, бармене и следующей порции пива. Ком в горле рос с каждым глотком. Амос не обращал внимания. Остальные посетители вели себя тихо: уставились в ручные терминалы или перешептывались, собравшись небольшими компаниями. Все чего-то ждали, куда-то собирались. Этот порт был для них не целью, а только шагом на пути куда-то – прошел и забыл.

Лидия умерла.

Он двадцать лет думал о ней. Отчасти, конечно, из-за тату с ее лицом, набитого у него против сердца. Стоило, сняв рубашку, посмотретья в зеркало, чтобы вспомнить. И каждый раз, когда приходилось делать выбор, тихий голос спрашивал его, чего бы хотела Лидия. Получив сообщение от Эрика, он сообразил, что двадцать лет не виделся и не говорил с ней. Значит, она была двадцатью годами старше, чем тогда, когда он ушел. Сколько же всего? Ему помнилась седина в ее волосах, морщины у глаз и у губ. Старше его, пятнадцатилетнего.

Тогда старше были почти все.

А теперь она умерла.

Наверное, женщина двадцатью годами старше той, которую он помнил, могла умереть своей смертью. Вероятно, она умерла в больнице или в своей теплой и удобной постели в

окружении друзей. Может, у нее в ногах даже спала кошка. Амос надеялся, что всё так и было. Потому что если окажется, что нет – что кто-то стал причиной ее смерти, – Амос убьет всех, причастных к этому хоть косвенно. Он так и этак крутил в голове мысль о мести и ждал, не остановит ли его Лидия. Новый глоток пива обжег горло. А ведь он так надеялся, что не разболеется...

«Ты не заболел, – прозвучал у него в голове голос Лидии. – Ты грустишь. Горюешь. Этот ком в горле, пустота в груди... И то, что в желудке сосет, сколько бы ты ни заливал в него пива. Это горе».

– Хм, – вслух сказал Амос.

– Что-то нужно, приятель? – с профессиональным равнодушием поинтересовался бармен.

– Еще один. – Амос указал на свой полупустой стакан.

«Ты не умеешь справляться с горем», – произнес другой голос. На сей раз Холдена. Он был прав. Вот почему Амос доверял капитану. Если тот что-то говорил, значит, так и думал. Не приходилось разбираться, гадать, что он имеет в виду. Если капитан и напортачит, то с добрыми намерениями. Амос прежде не встречал таких людей.

Единственным сильным чувством, знакомым Амосу, сколько он себя помнил, был гнев. Он всегда легко появлялся, только и ждал повода. Горе очень легко превращалось в гнев. Это Амос понимал. Чуть поодаль от него сидел мужчина с грубым жестким лицом космача. Он уже час мучил

один стакан пива. Каждый раз, как Амос заказывал следующий, мужчина косился на него со смесью досады и зависти. Завидовал бездонному кредитному счету. Как было бы просто: скажи ему что-нибудь громко и обидно, поставь его в положение, когда неловко отступать у всех на глазах. Бедняга волей-неволей попадетя на крючок, и Амос волен будет выплеснуть свое горе ему на голову. Потасовка, наверное, помогла бы расслабиться.

«Этот парень Лидию не убивал», – сказал голос Холдена.

«Но кто-то другой мог убить, – мысленно ответил Амос, – и я должен это проверить».

– Надо выводить наличку, амиго, – обратился Амос к бармену, взмахнув ручным терминалом. И указал на астера. – Поставь этому парню два за мой счет.

Мужчина нахмурился, заподозрив оскорбление, но не нашел такового и сказал:

– Спасибо, брат.

– Не за что, герmano. Спокойного рейса.

– Са-са, – отозвался астер, допивая пиво и принимаясь за следующий стакан, оплаченный Амосом. – Тебе того же, сабе дуи?

* * *

Амос скучал по койке «Роси».

Дальний транспорт назывался «Певчей пташкой», но от

птицы в нем были только белые буквы на борту. Снаружи он выглядел гигантским мусорным бачком с конусом дюз на одном конце и крошечной кабиной управления на другом. Изнутри он выглядел так, как и должен выглядеть мусорный бачок, разделенный на двенадцать отсеков по пятьдесят человек на каждой палубе. Приватность обеспечивали только шторы на душевых кабинах, а в галюны люди решались зайти, только когда рядом мелькала униформа кого-нибудь из корабельной команды.

«Ага, – подумал Амос, – тюремные правила».

Он выбрал себе койку – обычный амортизатор с маленьким ящиком внизу и крошечным игровым экраном на переборке напротив – как можно дальше от галюна и столовой. И старался не заходить в людные места. В соседи ему попались семья из трех человек и с четвертой стороны – дряхлая старуха.

Бабка весь рейс глотала маленькие белые таблеточки, днём пилилась в потолок, а по ночам потела от бредовых сновидений. Амос ей представился. Она предложила ему таблетки. Он отказался. На том их общение и закончилось.

Семья была гораздо приятнее. Двое мужчин лет по тридцать и их семилетняя дочь. Мужчина по имени Рико работал инженером-строителем. Второй, Цзянь-го, вел дом и сидел с ребенком. Девочку звали Венди. Когда Амос занял койку, она взглянула на него недоверчиво, но Амос улыбнулся, пожал всем руки и купил девочке в автомате у столовой бри-

кетик мороженого, после чего вел себя как следует. Он знал, как выглядят мужчины, слишком интересующиеся детьми, и не допускал, чтобы его приняли за такого.

Рико получил освободившееся место на орбитальной верфи Буша.

– Много койос летят в колодец. Полно работы, пока все спешат заграбастать себе кольца. Новые колонии, новые миры.

– Спадет лихорадка, и поток засохнет, – сказал Амос.

Он лежал лицом вверх на койке, вполуха слушал трескотню Рико и поглядывал на включенный без звука экран.

Рико ладонью, по-астерски «пожал плечами» и кивнул на спящую дочь.

– Ради нее, сабе? Что потом, то потом. А пока отложу малость юаней. На школу или билет за Кольцо – пусть сама выбирает.

– Я услышал тебя. Что потом, то потом.

– Ого, там гальюн моют. Успею сполоснуться под душем.

– А что такое, приятель? – спросил Амос. – Куда спешить?

Рико покачал головой, словно его спросили, почему в космосе вакуум. Амос, честно говоря, сам знал ответ, но хотел услышать, что скажет Рико.

– Рэкетеры-дальнобойщики, койо. Расплата за дешевый билет. Паршиво быть бедным.

– Но команда-то беспредела не допустит, а? Начнись драчка, откроют газ и всех привяжут к койкам. Тишина и покой. –

За душем не следят. Там нет камер. Если не заплатишь, когда начнут трясти, там и останешься. Лучше сходить, пока команда рядом.

– Да что ты? – разыгрывая удивление, протянул Амос. – Меня еще не трясли.

– Растрясут, хомбре. Присмотри пока за Цзянь-го и Венди, а?

– В оба глаза, брат.

* * *

Рико не ошибся. Улеглась первая суматоха, когда каждый находил себе койку, обнаруживал, что соседи ему не нравятся, и искал другую, – и все более или менее устроились. Астеры собрались на астерских палубах, внутренки разделили свои между Землей и Марсом. Амос оказался на астерской, но, кроме него, здесь чужаков не было.

Точно, тюремные правила.

На шестой день несколько крутых, обосновавшихся палубой выше, компанией спустились на лифте и причесали всех. На пятьдесят человек ушло немало времени. Амос, притворяясь спящим, следил за визитерами полуприкрытыми глазами. Афера была несложной. Один из громил подходил к пассажиру, объявлял, что нужно купить страховку, и проводил трансфер через дешевый одноразовый терминал. Вслух никто не угрожал. Платили все. Рэкет был тупым, но на-

столько простым, что работал.

Один из вымогателей, на вид не дотянувший и до четырнадцати, направился в сторону койки Амоса. Рико полез за своим терминалом, но тут Амос сел на койке и махнул ему подождать. Юному вымогателю он сказал:

– Мы здесь все в порядке. В нашем углу никто не платит.

Грабитель, онемев, уставился на него. Амос улыбался. Не то чтобы ему хотелось наглотаться газа и валяться связанным на койке, но, если придется, он переживет и это.

– Покойник, – сказал парень.

Он всеми силами старался выглядеть крутым, и Амос уважал его старания. Но его, бывало, пытались запугать люди куда страшнее тощего пацана-астера. Амос кивнул, словно обдумывая угрозу.

– Вот я раз ползал под реактором, и тут лопнула труба охладителя, – заговорил он.

– Чего? – недоуменно переспросил мальчишка.

Даже Рико с Цзянь-го уставились на соседа как на умалишенного. Амос заворочался, койка под ним, подстраиваясь, скрипнула шарнирами.

– Понимаешь, охладитель охрененно фонит. А на открытом воздухе испаряется. Если попадет на кожу, это не полезно, но пережить можно. Большой частью смывается. А вот дышать им не стоит. Если радиоактивные частицы набьются в легкие, куда от них денешься? Тебя вроде как выжигает изнутри.

Пацан оглянулся через плечо, не решаясь в одиночку разбираться с этим психом. Его приятели были еще заняты.

– Ну вот, значит, – продолжал Амос, подавшись вперед. – Надо было добраться до ремонтного люка, открыть аварийный шкаф и пристегнуть дыхательную маску, не надышавшись этой дрянью.

– Ну и чо? Всё равно...

– Я это к тому, что я тогда узнал о себе кое-что новое.

– Ну и?.. – Ситуация была настолько дикой, что парень волей-неволей заинтересовался.

– Я узнал, что, даже занятый тяжелой физической работой, могу не дышать почти две минуты.

– Ну и...

– А ты спроси себя, что я с тобой сделаю за две минуты, пока меня не вырубит газ. Бьюсь об заклад, немало.

Мальчишка не ответил. Рико с Цзянь-го, кажется, затаили дыхание. Венди восторженно улыбалась Амосу.

– Проблемы? – подроспел наконец один из приятелей юного рэкетира.

– Ага, он...

– Никаких проблем, – вмешался Амос, – просто объяснял вашему помощничку, что этот угол за страховку не платит.

– Ты сказал?

– Ага, я сказал.

Старший гангстер оценивающе оглядел Амоса. Они были примерно одного роста, но Амос на добрых двадцать пять

кило тяжелее. Чтобы это подчеркнуть, Амос встал с койки и повел плечами.

– Ты с какой команды? – осведомился гангстер, приняв его за конкурента.

– С «Росинанта», – ответил Амос.

– Впервые слышу.

– Может, и так, но тут главное – контекст, не?

– Ты попал, койо! – заявил громила.

Амос ответил на его вспышку пожатием ладони.

– Рано или поздно проверим.

– Рано или поздно, – согласился громила и, прихватив пацана, направился к своим.

Отбывая на лифте, они оставили младшего внизу. Юнец издалека открыто, не прячась, следил за Амосом.

Тот вздохнул и вытащил из рюкзака полотенце.

– Пойду приму душ.

– Рехнулся! – возразил Цзянь-го. – Никого из команды рядом нет. Там на тебя и навалятся.

– Точно, – кивнул Амос и перебросил полотенце через плечо.

– Так зачем?..

– Затем, – ответил Амос, – что терпеть не могу ждать.

Едва Амос, выставив напоказ полотенце, направился к галюну, мальчишка забормотал в ручной терминал. Вызывал подмогу.

Галюн представлял собой пять хлипких душевых стоек

у одной переборки и пять туалетов с вакуумным спуском у другой. Раковины висели прямо напротив двери. Оставшееся пространство занимали скамейки – ждать очереди в душ или одеваться после него. Не лучшее место для рукопашной. Много твердых выступов, на которые можно напороться, и скамейки под ногами.

Амос кинул полотенце на раковину и прислонился к ней, скрестив руки на груди. Долго ждать не пришлось. Через пять минут после вызова юнец вошел в душевую вместе с пятью другими громилами.

– Всего шестеро? Я малость оскорблен.

– Малость? – отозвался старший. – Знаешь, здоровяки вроде тебя тоже не бессмертны.

– И то верно. Как будем разбираться? Я на вашей площадке и уважаю правила хозяев.

Вожак засмеялся.

– Да ты шутишь, парень! Почти покойник, а всё шутишь. Обернувшись к младшему, он приказал.

– Твой кусок, койо.

Мальчишка выхватил из кармана заточку. В пассажирское отделение с оружием не допускались, но парень уже на корабле оторвал где-то полосу металла и придал ей должную остроту. Опять тюремные правила.

– Я отношусь к тебе с уважением, – заговорил Амос. – Я убил первого примерно в твоём возрасте. Вернее, первых, но речь не о том. Я принимаю тебя и твой нож всерьёз.

– Хорошо.

– Ничего хорошего, – грустно возразил Амос.

Никто не успел и шевельнуться, как он шагнул к парню и дернул его за руку с ножом. Корабль шел на трети g, поэтому мальчишку сорвало с места и развернуло. Рука наткнулась на душевую стойку, а тело продолжало движение, и Амос не выпустил его запястья, пока рука не сложилась вокруг упора. Сухожилия порвались с тихим треском, словно по мокрой фанере ударили молотком. Нож из разжавшихся пальцев поплыл к полу, и тогда Амос выпустил руку.

Долгую секунду пятеро громил смотрели на нож у ног Амоса, а Амос – на них. Пустота под ложечкой исчезла. Ком в горле растаял.

– Кто следующий? – спросил он, шевеля пальцами и не замечая, что ухмыляется.

Они бросились все сразу. Амос принял их в объятия, как долгожданных любовников.

* * *

– Ты в порядке? – спросил Рико у Амоса, промокая ему ссадину на лбу спиртовым тампоном.

– В общем и целом.

– А они?

– Хуже, – признался Амос, – но только в общем. Когда очухаются, все уйдут на своих ногах.

– Мог бы за меня и не вступаться. Я бы заплатил.

– Не за тебя, – ответил Амос и, поймав недоуменный взгляд Рико, пояснил: – Это не за тебя. И еще, Рико, – деньги пойдут в фонд Венди, не то я и до тебя доберусь.

Глава 5. Холден

В молодости один из дедов Холдена выступал в родео. На всех фотографиях он выглядел как высокий, крепкий и бодрый молодой человек с большой пряжкой на поясе и в ковбойской шляпе. А маленький Холден видел тощего, бледного, сгорбленного старика. Как будто годы соскоблили с юноши наружный слой, оставив один скелет.

Ему пришло в голову, что так же годы обдирают и Фреда Джонсона. Тот был по-прежнему высок, но мощная мускулатура пропала, оставив складки кожи на плечах и на загривке. Волосы, когда-то почти черные, потом почти седые, теперь почти отсутствовали. Если Фред еще и внушал безусловное почтение, то лишь потому, что его власть изначально опиралась не на физическую силу.

На столе перед ним уже стояли две рюмки и бутылка с темной жидкостью. Фред кивком предложил Холдену выпить, и тот кивком согласился. Когда Фред налил, Холден с протяжным вздохом откинулся на спинку стула.

– Спасибо.

Фред пожал плечами.

– Я только и ждал предлога.

– Не за выпивку. Хотя и за нее тоже. Спасибо, что помог с «Роси». Деньги от Авасаралы пришли, но с тех пор, как я выставлял ей счет, обнаружили новые повреждения. Без

скидок нам бы трудно пришлось.

– А кто вам обещал скидки? – спросил Фред, протягивая рюмку.

Впрочем, он тут же улыбнулся и, закрихтев, опустился на место. Холден лишь сейчас осознал, как боялся этого момента. Пусть у них только деловые переговоры, всё равно он чувствовал себя попрошайкой. Положительный ответ – уже очень хорошо. А то, что Фред не заставил клянчить, – еще лучше.

Это создавало ощущение, что они просто выпивают с другом. – Ты постарел, Фред.

– И чувствую себя стариком. Но это лучше, чем быть покойником.

Холден поднял рюмку.

– За тех, кого с нами нет.

– За тех, кого с нами нет, – повторил Фред, и оба выпили. – С каждой нашей встречей их становится больше.

– Мне жаль, что так вышло с Быком, хотя он, пожалуй, спас Солнечную систему. Насколько я его знал, он бы счел, что чертовски дешево расплатился.

– За Быка. – Фред снова поднял рюмку.

– И за Сэм, – ответил Холден, повторив его жест.

– Я скоро уйду, вот и решил на тебя посмотреть.

– Постой! Как уходишь? Просто уходишь – или как Бык и Сэм?

– Так скоро вы от меня не избавитесь. Мне нужно снова

побывать на «Медине», – сказал Фред и, сосредоточенно насупившись, словно выполнял сложную операцию, налил себе еще бурбона. – Там разворачивается основное действие.

– Правда? А я вроде бы слышал, что генеральный секретарь ООН встречается с марсианским премьером. Думал, ты туда отправишься.

– Сколько бы они ни договаривались, на деле власть определяется географическим положением. «Медина» – ось, на которую насажены все кольца. Сила еще долго будет за ней.

– И сколько, по-твоему, ООН и Марс позволят вам командовать парадом? Ты получил фору, но они собрали довольно мощный кулак на случай, если им понадобится твое добро.

– Космический флот? Мы с Авасаралой, в общем, контролируем этот вопрос. – Фред сделал паузу для длинного глотка. – Но есть две серьезные проблемы.

Холден поставил рюмку. У него возникло предчувствие, что его просьба и ответное согласие на скидку – далеко не конец переговоров.

– Марс... – сказал он.

– Да, Марс умирает, – кивнул Фред, – этого не остановить. И еще шайка экстремистов АВП буянит. Прошлогодня атака на Каллисто – их работа. И «водяной бунт» на Палладе. И еще кое-что. Появились пираты, и на их кораблях чаще, чем мне бы хотелось, видят рассеченный круг.

– Я думал, когда каждому достанется по планете, все проблемы будут решены.

Фред, прежде чем отвечать, сделал еще глоток.

– Они исходят из того, что культура астеров адаптирована прежде всего к космосу. Будущие новые колонии с воздухом и тяготением подорвут экономическую базу астеров. Загнать всех в гравитационные колодцы с моральной точки зрения – геноцид.

Холден заморгал.

– Свободные планеты – геноцид?

– Они твердят, что приспособленность к низкой гравитации – не отклонение, а физическая норма. Мы якобы убиваем тех, кто не желает переселяться на планеты.

– Ну, хорошо, могу представить, что кто-то не хочет полгода накачиваться стероидами и стимуляторами костного роста. Но убийство-то тут при чем?

– Во-первых, не все перенесут такую накачку. Впрочем, дело даже не в этом – а в том, что вот этому, – Фред взмахнул руками, подразумевая всю станцию, – придет конец, когда каждый получит по планете. По меньшей мере на несколько поколений вперед. Если не навсегда. Какой смысл вливать ресурсы во внешние планеты и Пояс, когда то же самое есть в колодце с дармовыми воздухом и водой?

– Значит, все, что у них есть, станет никому не нужно и они здесь умрут с голоду?

– Так им видится, – сказал Фред, и с минуту они с Холденом молча пили.

– Да, – наконец заговорил Холден. – Да, в этом есть смысл.

Но я не вижу, что они тут могут изменить.

– Кое-кто над этим думает. Но идет накрутка...

– Каллисто и Паллада?

– А совсем недавно еще и нападение на Землю – со старого, воняющего нафталином грузовоза.

– Не слышал, чтобы на Земле рвануло, так что, надо понимать, атака не удалась, – рассмеялся Холден.

– Ну, атака была самоубийственной, и самоубийство как раз удалось. Находившийся на высокой орбите патрульный флот ООН превратил грузовик в газ за десятую а.е. от планеты. Ущерба не было, шума в прессе тоже. Но не исключено, что это только разведка. Они затевают большое шоу, которое всем напомним о Поясе. И меня дико пугает, что невозможно предвидеть, чем это окажется.

* * *

Плавно уходящий вниз коридор жилого кольца Тихо был полон рабочими. Холдена расписание станции почти не касалось, но сейчас он решил, что попал в пересменок. Если, конечно, это не упорядоченная эвакуация без объявления тревоги.

– Йо, Холден! – окликнул кто-то на ходу.

– Привет, – отозвался Холден, понятия не имея, с кем здороваются.

Он так и не научился обращаться со славой. В него ты-

кали пальцами, на него глазели, перешептывались. Понятно, мало кто хотел его оскорбить. Такая реакция была просто проявлением удивления, когда человек, много раз виденный на экране, вдруг появляется в реальном мире. Большая часть шепотков, которые ему удавалось подслушать, сводились к чему-то вроде: «Это не Джеймс Холден? По-моему, это Джеймс Холден».

– Холден, – бросила попавшаяся навстречу женщина, – как делишки?

На Тихо в три смены жили и работали пятнадцать тысяч человек. Маленький город в космосе. Так и не вспомнив, знаком ли он с этой женщиной, Холден улыбнулся ей.

– Нормально. Как у тебя?

– Да так себе, – отозвалась она, проходя мимо.

У двери каюты он вздохнул с облегчением – за ней ждала только Наоми. Она сидела за столом с чашкой горячего чая и рассеянно смотрела перед собой. Холден не знал, грустит она или задумалась над сложной инженерной задачей. С виду это бывало очень похоже.

Она налил себе воды из кухонного крана и сел напротив, дожидаясь, пока Наоми заговорит. Она взглянула на него сквозь пряди волос и грустно улыбнулась. Значит, не работа, а меланхолия.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

– Тут у меня одно дело.

– Я могу помочь? – спросил Холден. – Только скажи.

Наоми отпила чаю. Тянула время – не лучший признак. Значит, она не знает, как рассказать о случившемся. У Холдена поджались мышцы на животе.

– Собственно, ситуация такая, – призналась она. – Мне нужно кое-что сделать, а тебя я в это замешивать не могу. Совсем. Потому что ты попытался бы помочь, а у тебя не выйдет.

– Не понимаю, – сказал Холден.

– Обещаю, когда вернусь, дать полный отчет.

– погоди. Что значит «когда вернешься»? Ты куда собралась?

– Для начала на Цереру, – сказала Наоми, – но, возможно, придется лететь и дальше. Не знаю точно, сколько меня не будет.

– Наоми! – Холден через стол дотянулся до ее руки. – Ты меня страшно пугаешь. Я не отпущу тебя на Цереру одну. Тем более если дело плохо, а мне сдается, что дело совсем плохо.

Наоми отставила чашку и обеими руками сжала его ладонь. Пальцы, прикасавшиеся к горячему пластику, согрелись, остальные были холодными.

– Я лечу одна. Это не обсуждается. Либо я лечу, потому что ты меня понимаешь и даешь мне свободу, либо потому, что между нами всё кончено и у тебя больше нет права голоса в моих делах.

– Постой. Ты что сказала?

– Ты про «всё кончено»? – Наоми крепко сжала его руку.

– Нет, нет, конечно.

– Тогда спасибо, что доверяешь мне и даешь разобраться самой.

– Я это сказал?

– Более или менее.

Наоми встала. Теперь Холден заметил на полу рядом с ней уже собранный багаж.

– Постараюсь быть на связи, но, если не выйдет, не бери ничего в голову, ладно?

– Ладно, – как во сне отозвался Холден.

Наоми, стоявшая по ту сторону стола с зеленым рюкзачком в руке, показалась ему очень далекой. То ли комната стала больше, то ли Холден стал маленьким. Он поднялся и покачнулся от головокружения.

Наоми бросила на стол рюкзак и обняла его обеими руками.

Уткнувшись подбородком ему в волосы, прошептала:

– Я вернусь. Обещаю.

– Ладно, – повторил он.

Мозг отказывался выдавать другие слова.

Наоми еще крепче сжала его, потом забрала рюкзак и пошла к двери.

– Подожди! – сказал Холден.

Она обернулась.

– Я тебя люблю.

– И я тебя люблю, – сказала она и ушла.

Холден снова сел – чтобы не упасть. Вытащил он себя из кресла через час или через минуту – сам не помнил. Хотел было позвонить Амосу и выпить вместе с ним, но вспомнил, что Амоса с Алексом тоже нет.

Никого нет.

* * *

Странно, как всё вокруг остается прежним, когда так много изменилось. Холден по-прежнему вставал по утрам, чистил зубы, надевал чистое и завтракал. К девяти приходил в ремонтный док, влезал в вакуумный скафандр и вместе с ремонтниками занимался «Росинантом». Восемь часов он лазал по скелету корабля, подсоединяя проводку, устанавливая новые маневровые двигатели, латая пробоины. Он не всё умел, но в том, чего не умел, подражал кому-нибудь из техников и справлялся таким образом даже со сложными работами.

И всё казалось нормальным, обычным, как в прежней жизни.

Но через восемь часов он возвращался домой, а там никого не было. Холден впервые за несколько лет по-настоящему остался один. Амос не заходил, чтобы позвать его в бар. Алекс не смотрел новости, отпуская с кушетки ехидные

комментарии. Не было Наоми, с которой он мог бы поговорить о том, как прошел день, и обсудить ход ремонта. Комната даже пахла пустотой.

Впервые Холден начал понимать, как ему нужна семья. У него было восемь родителей, а дедушек и бабушек, дядь и тетя, двоюродных братьев и сестер не смог бы пересчитать. Поступив в земной военный флот, он провел четыре года в академии и жил в одной комнате общежития с однокашниками и подружками. И даже после позорной отставки он сразу получил работу в «Чисто-прозрачно», и на «Кентербери» его ждала новая недружная семья. Ну пусть не родные люди, но все-таки *свои*!

На Тихо из близких были только по горло занятый политическими махинациями Фред да еще Сэм – но она несколько лет назад погибла в Медленной Зоне. Сакаи, заменивший Сэм, считался опытным инженером и серьезно взялся за ремонт корабля, но не выказывал желания общаться, кроме как на профессиональные темы.

Поэтому Холден так много времени проводил в барах.

В «Блоуи-Блум» было слишком шумно илюдно. Наоми знала здесь многих, но Холден – нет. В заведениях ближе к палубам отдыхали задиристые работяги, для которых потасовка со знаменитостью была желанным способом выпустить пар. Все прочие местечки, где набиралось больше четырех посетителей, выстраивались в очередь: «Сфотографируйся с Джеймсом Холденом и целый час выпрашивай его о личной

жизни».

Скоро Холден отыскал ресторан, притулившийся в боковом коридоре между жилым сектором и рядом киосков. Здесь подавали блюда, которые у астеров считались итальянской кухней, а в задней комнате был маленький бар, куда, кажется, никто не заглядывал.

В этом баре Холден мог посидеть за крошечным столиком, просматривая на ручном терминале последние новости, почитать сообщения и наконец-то добраться до скачанных за шесть лет книг. В баре подавали те же блюда, что и в главном зале. На Земле итальянскими их бы не назвали, но съедобными – вполне могли. Коктейли были сносными и дешевыми. И всё здесь Холден счел бы терпимым, не исчезни вдруг из его вселенной Наоми. Алекс регулярно сообщал, где он и чем занимается. С терминала Амоса пришло автоматическое уведомление о прибытии того на Луну, а потом на Землю. От Наоми не было ничего. Она еще существовала в природе – по крайней мере, ее терминал оставался исправным. Посланные Холденом сообщения куда-то доходили. Сеть ни разу не уведомила его о невозможности соединения. Но иного ответа, кроме: «Письмо успешно отправлено», он не получал.

Спустя пару недель плохой итальянской кухни и дешевых коктейлей терминал наконец сообщил о запросе на голосовую связь. Холден понимал, что это наверняка не Наоми. Запаздывание сигнала не позволяло вести живой разговор

между разными станциями. И всё равно он так резко выдернул из кармана терминал, что выронил его, и тот отлетел под соседний стол.

– Перебрал моих маргарит? – спросил бармен Чип.

– Уже первая была лишней, – огрызнулся Холден, ныряя за аппаратом. – А выдавать их за маргариты – просто преступление!

– Это и есть маргариты, если их делать на рисовом вине и лимонном ароматизаторе, – не без обиды возразил Чип.

– Алло! – заорал Холден в терминал, чуть не продавив экран, чтобы подключить связь. – Алло!

«Это Джим?» – отозвался женский голос. Совсем не похожий на голос Наоми.

– Кто говорит? – спросил он и, треснувшись головой об угол стола, добавил: – Черт!

«Моника, – ответил голос. – Моника Стюарт. Я не вовремя?»

– Я сейчас немножко занят, Моника, – сказал Холден, и Чип закатил глаза.

Когда Холден отмахнулся, бармен принялся смешивать ему новый коктейль. Возможно, в отместку за обиду.

«Понимаю, – протянула Моника. – Но я так хотела повидаться! Нельзя ли нам встретиться? Поужинать, выпить что-нибудь?»

– Боюсь, что я в обозримом будущем засел на станции Тихо. «Роси» перебирают по винтику, так что...

«А я знаю. Я сейчас тоже на Тихо, потому и звоню».

– Точно, – спохватился Холден. – Ну, конечно.

«Сегодня можно?»»

Чип поставил бокал на поднос, но коктейль унес заскочивший из главного зала официант. Поймав взгляд Холдена, Чип одними губами выговорил: «Хочешь еще?» Перспектива провести очередной вечер, поглощая то, что в этом ресторане, всем на смех, именовали «лазаньей» и «маргаритой», пугала как медленная смерть.

По правде сказать, Холдену было скучно и одиноко. Моника Стюарт работала журналисткой и обладала одним серьезным недостатком – объявлялась только тогда, когда нуждалась в чем-то. За каждым ее поступком что-то крылось. Но можно ведь узнать, что ей надо, и отказать – будет хоть какое-то разноо бразие в чередке одинаковых вечеров без Наоми.

– Ну что ж, Моника, – сказал он, – ужин – это заманчиво. Только не итальянская кухня!

* * *

Они ели суши из форели, выращенной в баках на станции. Безумно дорогие, но платила Моника – сказала, что ей покроют эти расходы как деловые. Холден позволил побаловать себя, да так, что одежда теперь не сходилась на животе.

Моника ела деликатно, ловко орудуя палочками и подби-

рая чуть ли не по рисинке за раз. Васаби она вовсе игнорировала. За то время, что Холден ее не видел, она немного постарела. Только ее, в отличие от Фреда, годы украсили, добавив внешности видеозвезды опыта и внушительности.

Разговор начали с мелочей: как идет ремонт корабля, кто теперь где из той команды, что возвращалась на «Росинанте», когда кольца были еще новостью, куда разлетелись Алекс, Амос и Наоми. Холден поймал себя на том, что рассказывает больше, чем собирался. Он не питал к Монике неприязни, но и не слишком ей доверял. Зато журналистка его знала – она летала с ним, а он еще больше, чем по хорошей еде, изголодался по разговору с кем-нибудь из знакомых.

– Тут такое удивительное дело... – начала она, промокая уголок рта салфеткой.

– Что может быть удивительнее, чем свежая рыба на космической станции в компании самой знаменитой репортерши Солнечной системы?

– Ты мне льстишь.

– Привычка. Не обращай внимания.

Моника порылась в сумке и вытащила из нее скатанный в трубочку видеозэкран. Отодвинув тарелки, она разложила его на столе. Включившись, экран показал толстое и громоздкое грузовое судно, направляющееся к одному из колец в пределах Медленной Зоны.

– Посмотри.

Картинка пришла в движение, грузовик на малой тяге входил в кольцо-врата. «Одно из тех, – решил Холден, – что ведут из системы в Медленную Зону и к станции «Медина», хотя, может, и другое. С виду они все одинаковые». Когда корабль прошел врата, изображение мигнуло и заплясало: записывающую аппаратуру обстреливали быстрые частицы и магнитное излучение. Наконец экран прояснился, но корабля уже не было видно. Это ничего не значило. Свет, проходя через кольцо, всегда вел себя необычно, искажая изображение. Как от рефракции в воде. Запись кончилась.

– Я такие уже видел, – заметил Холден. – Эффектно, но расколоть, в чем штука, нетрудно.

– Как раз такого не видел. Угадай, что стало с кораблем? Моника покраснелась от волнения.

– А что?

– Нет, ты угадай. Предполагай, выдвигай гипотезы. Потому что на той стороне он так и не вышел.

Глава 6. Алекс

– Привет, Бобби, – сказал Алекс в камеру терминала. – Я тут спускаюсь на неделю-другую в Маринер, погощу у кузена. Может, заглянешь пообедать, пока я по соседству?

Он отправил сообщение и спрятал ручной терминал в карман, поерзал и вытащил снова. Стал перебирать контакты, придумывая, на что бы еще отвлечься. С каждой минутой он приближался к прозрачной атмосфере родного дома. Они уже почти миновали орбиту Фобоса и подлетали к еле видимой щепотке гравия, называемой Кольцом Деймоса. Посадочный челнок не снабдили экранами, не то отсюда уже виднелся бы тяжелый корпус базы Геката, распластавшейся по склону горы Олимп. Там Алекс проходил учебку, когда завербовался во флот.

Долина Маринер была первым серьезным поселением на Марсе. Пять сообщающихся между собой кварталов, выдолбленных в скалах огромного каньона, забившихся под камень и реголит. Связывавшую их сеть называли Хайчжэ³, потому что похожие на декорации к вестерну мосты и изгибы труб складывались в силуэт медузы. Протянутая позже скоростная ветка на Лондрес-Нову напоминала копье, воткнувшееся в купол медузы.

³ Медуза (кит.)

Три волны колонистов из Китая и Индии глубоко закапывались в сухую землю, влача скудное, ненадежное существование на пределе человеческих возможностей. Среди них была семья Алекса. Единственный сын пожилых родителей, он не имел племянников и племянниц, зато двоюродных братьев и сестер у него было достаточно, чтобы месяцами кочевать из одной гостевой комнаты в другую, не слишком стесняя хозяев.

Челнок вздрогнул – наружная атмосфера уже достаточно сгустилась, чтобы в ней возникали турбулентности. Негромко загудел сигнал ускорения, раздался синтезированный голос, который попросил проверить крепления амортизаторов и уложить багаж тяжелее двух килограммов в боковые шкафчики. Через тридцать секунд должно было начаться ускорение, перегрузки на пике достигали трех g . Заботливый автомат внушал, что это серьезно. Алекс решил, что некоторых пассажиров полезно припугнуть.

Он убрал в шкафчик ручной терминал, нажал кнопку «Закрыть» и стал ждать, когда тормозные ракеты вожмут его в гель. В соседнем купе заплакал младенец. Зазвучала гамма отсчета – звуковые тоны, понятные на любом языке. Когда они слились в мягкий, утешительный аккорд, навалилась перегрузка. Алекс задремал под вибрацию и дребезжание корпуса челнока. Разреженная атмосфера Марса не позволяла воздушного торможения на крутом спуске, зато выделяла немало тепла. В полудреме Алекс проводил расчет посадки

– числа становились всё более неправдоподобными, его накрывал легкий сон. Если бы что-то пошло не так – изменилось ускорение, корабль вздрогнул бы от удара, повернулась на шарнирах койка, – Алекс мигом бы проснулся. Но ничего такого не случилось, и он спокойно дремал. Для возвращения домой не так плохо.

Портовые башни стояли на дне долины. Над площадками вздымалось шесть с половиной километров каменных стен, полоска неба между ними занимала не больше тридцати градусов. Приемный терминал был одним из старейших строений Марса, его толстый прозрачный купол защищал людей от радиации и одновременно открывал им поражающий масштабом вид. На восток тянулся прекрасный каньон, рваный и изрезанный. Там, где из скалы высывались кварталы, горели огоньки – самые богатые дома променяли защиту каменных сводов на безумную роскошь настоящих окон. Транспортные флаеры жались к земле, где относительно плотный воздушный слой давал опору их паутинным крыльям.

Давным-давно, говорили ученые, Марс породил собственную биосферу. На планете шли дожди, текли реки. Не в последнее геологическое мгновение, отведенное истории человечества, но когда-то так было. И будет снова, обещали терраформисты. Не при нашей жизни и не при жизни наших детей, но когда-нибудь. Стоя в очереди на досмотр, Алекс оглядывался. Планетная сила тяжести – около трети g – бы-

ла непривычной. Что бы ни твердили математики, тяготение планеты – совсем не то же самое, что перегрузка ускорения. От вида на каньон, от непривычности собственного веса Алекс ощущал нарастающее в груди беспокойство.

Он здесь. Он дома.

На выходе прибывающих пассажиров опрашивал мрачный мужчина с простреленными красными жилками глазами и седыми, чуть рыжеватыми усами.

– По делу или на отдых?

– Ни то, ни другое, – ответил Алекс. – Прилетел повидаться с бывшей женой.

Мужчина усмехнулся.

– Повидаться по делу или для совместного отдыха?

– Будем считать, без дела, – решил Алекс.

Таможенник провел пальцем по экрану терминала и кивнул в сторону камеры. Когда система подтвердила личность Алекса, он задумался, зачем так сказал. Не то чтобы он назвал Тали мегерой или как-то оскорбил, но он позволил себе шутить на ее счет. Казалось бы, она такого не заслужила. Наверняка не заслужила.

– Приятно вам отдохнуть, – сказал таможенник, пропуская Алекса в покинутый им когда-то мир.

В зале ожидания его встречала кузина Минь. Она была десятью годами моложе Алекса – уже избавлялась от последних признаков юности, сменяя их на приятную полноту средних лет, но улыбнулась знакомой девчачьей улыбкой.

– Привет-привет, приятель, – сказала она, с чуть наигранной маринерской растяжкой. – Что привело тебя в наши края? – Скорее сантименты, чем здравый смысл, – ответил Алекс, распахнув объятия. Они коротко обнялись.

– Багаж у тебя есть?

– Путешествую налегке.

– Вот и хорошо. Я оставила карт у входа.

– Не много ли чести? – поднял бровь Алекс.

– Они теперь дешевле обходятся. Ребята вернутся из Нижнего универа часа через четыре. Чем собираешься заняться в то время, пока они до тебя не добрались?

– У меня есть всего пара дел. Я мечтал повидать наших – и съесть миску Хасановой лапши.

Смущение мелькнуло на лице Минь и тут же пропало.

– На южной стене отличная лагманная. От чесночного соуса глаза на лоб лезут. Но вот Хасан четыре года назад собрал вещички.

– А... ну, ничего. Хасан не то чтобы особенно хорошо кормил.

– Точно.

– Просто он – это он, вот в чем дело.

Карт оказался обычной электрической тележкой, пошире и покрепче, чем те, что использовали на станциях. Колеса были изготовлены из прозрачного полимера и не оставляли следов на полах. Алекс забрался на пассажирское место, Минь села за управление. Они говорили о домашних мело-

чах: кто женился, кто развелся, кто переехал и куда. Удивительно, как много братьев и сестер Минь уже попали на уходящие к кольцам рейсы, да и сама она, хоть и не говорила напрямик, больше, чем самим Алексом, интересовалась, что он видел на той стороне.

Они проехали по тоннелю и пересекли один из мостов, ведущих к Бункерному Холму. В этом квартале Алекс вырос. Прах его отца лежал в крипте синагоги, пепел матери развеяли над пропастью Офира. Дом девушки, с которой Алекс впервые целовался, находился через два коридора от квартиры Минь. Лучшим другом его детства был этнический китаец Джонни Чжоу, живший со старшими братом и сестрой на другой стороне каньона.

Воспоминания захлестывали Алекса. В этом изгибе коридора Шрабагар Одинокая Звезда устраивал по выходным танцы и состязания, кто кого перепьет. На перекрестке коридоров Даллас и Ну-Рен-Чжи его в девять лет поймали с украденной в погребке жвачкой. В туалете торгового центра на Аламаплацца его жутко тошнило. Тысячи маленьких событий, какие случались что ни день. Единственное, что отличало воспоминания Алекса, – что всё это было *с ним*.

Он не сразу сообразил, откуда взялось неуютное чувство. Так же, как различие между планетарным весом и тягой, пустота коридоров не бросалась в глаза. Но, по мере того как Минь продвигалась в глубину квартала, он стал обращать внимание на освещение, а потом на замки. По всем

коридорам, разбросанные, как горсть песчинок, попадались темные, запертые комнаты и заведения. Каждый замок сам по себе ничего такого не означал, но Алекс заметил сперва один, потом несколько, потом целую россыпь – как цветы на лугу – такими замками владельцы и охрана закрывали двери пустующих отсеков. Кое-как поддерживая болтовню с кухонной, Алекс начал считать. Из следующих ста дверей, ведущих в дома, заведения, на ремонтные станции и в школы, – двадцать одна не использовалась.

Он упомянул об этом, когда Минь остановила карт у своей двери.

– Еще бы, – кивнула она с вымученным юморком. – Плана-призрак!

* * *

За те годы, пока Алекса не было, Талисса переехала. Прежде они жили в Балларде, между постом флота и старой водоочистой станцией. Сейчас местная система выдала адрес в Галвестон-Шеллоу. Алекс не понимал, почему Тали переехала в такой район, но всё меняется. Может, она разбогатела. Он надеялся, что так. Всякое улучшение в ее жизни говорило в его пользу.

В Галвестон-Шеллоу были широкие коридоры. Освещались они наполовину шахтами, пробитыми к поверхности, – настоящим солнечным светом, пропущенным через пирами-

ду прозрачных щитков, чтобы свести к минимуму радиацию. Широкие наклонные потолки выглядели естественными, почти органическими, да и запах механической очистки воздуха почти терялся за сочными землистыми ароматами живых растений. Широкие полосы оранжерей заполняли общественные пространства чертовым плющом и лианами – теми видами, что выделяют больше всего кислорода. Воздух был ласкающе влажным. Алекс подумал, что здесь в малом масштабе воплотились мечты всего Марса. Если бы проект терраформирования осуществился, такой стала бы вся планета. Флора и фауна. Вода и воздух. Когда-нибудь, много веков спустя, люди могли бы прогуливаться по поверхности Марса среди такой вот зелени. И чувствовать на лице тепло настоящего солнца.

О чем бы ни думать, лишь бы не о главном... Алекс еще раз проверил на терминале маршрут к новому дому Тали. Сердце билось чаще обычного, и он не знал, куда девать руки. Гадал, что она скажет, как на него посмотрит. Были причины и для гнева, и для радости. Алекс надеялся на радость.

Он хотел найти нужную дверь, собраться с духом и только тогда позвонить – но всё вышло иначе. Алекс увидел ее, едва свернув за последний поворот. Тали стояла среди растений с лопаткой в руке. На ней были полотняные рабочие штаны, выпачканные землей, и светло-коричневая рубашка с изобилием карманов и петель для садового инструмента – большей частью пустых. Ее волосы отливали густым кашта-

новым оттенком, совсем без седины, – значит, она их красила. Лицо округлилось, щеки стали заметнее. Время пощадило ее. Сегодня она не была красивой – может, и раньше не была, – но Алекс смотрел на нее с удовольствием и узнавал прежнюю Талиссу.

Он ощутил на своих губах улыбку, рожденную скорее неловкостью, чем удовольствием. Засунув руки в карманы, он зашагал к ней небрежной походкой. Тали оторвалась от работы – и снова опустила голову. Плечи ее напряглись, она снова оглянулась в его сторону. Алекс поднял руку ладонью наружу.

– Алекс? – сказала она, когда он подошел к краю грядки.

– Привет, Тали.

В его голосе было только равнодушное удивление.

– Что ты здесь делаешь?

– Выдалось свободное время, пока корабль на ремонте.

Решил навестить прежние места. Потолкаться среди своих, ну, ты понимаешь.

Талисса кивнула. Губы ее чуть скривились – у нее это означало глубокую задумчивость. Может, следовало предупредить ее сообщением, прежде чем являться? Только вот Алексу казалось, что им надо встретиться лицом к лицу.

– Ну, – произнесла она, – хорошо.

– Я не хочу тебе мешать. Но, может, когда закончишь, позволишь угостить тебя чашкой чаю?

Тали встала на каблуки и склонила голову к плечу.

– Брось, Алекс. Что ты здесь делаешь?

– Ничего, – сказал он.

– Нет. Ты что-то задумал. Ты здесь не просто так.

– Нет, правда. Я просто...

– Не надо, – по-домашнему сказала она. – Не морочь мне голову. Никто не заявляется к дому бывшей жены просто потому, что захотелось выпить чаю.

– Ну, хорошо, – выдавил Алекс. – Только я думал...

Тали покачала головой и снова принялась вскапывать черноезем.

– Что ты думал? Что мы с тобой выпьем, поговорим о старых временах, может, взгрустнем немножко? А может, и в постель завалимся в память старых добрых времен?

– Что? Нет, я не...

– Прошу тебя, не выставляй меня виноватой. Я живу богатой и интересной жизнью, в которой *ты* предпочел не участвовать. У меня полна тарелочка, и я не собираюсь делиться с тобой, утешать типа, который меня бросил сколько-то лет назад, потому что... Не знаю почему. Переживал кризис среднего возраста? Меня это не касается, нечестно от меня ждать чего-то эдакого.

– О... – сказал Алекс.

Чувствовал он себя так, словно проглотил вольфрамовую болванку. Щеки горели. Посмотрев на него, Тали вздохнула. На ее лице не было злорадства. И даже злости не было. Разве что усталость.

– Извини, – снова заговорила она. – Мы – двое старых знакомых. В данный момент, пожалуй, даже меньше того.

– Я понял. Извини.

– Это не я поставила тебя в такое положение, а ты меня. Я просто занималась грядкой.

– Знаю. Я не хотел причинять тебе неудобств. Ни сейчас, ни раньше.

– Раньше? Когда ты от меня ушел?

– Я этого не хотел, и вышло всё так не из-за тебя, а...

Она резко мотнула головой, поморщилась.

– Нет, только не это, Алекс. Мы говорим о прошлом? Когда я *только что* сказала, что не желаю о нем говорить? Ты что, не понял?

– Понял.

– Вот и хорошо.

– Извини, что вышло... некрасиво.

– Переживу, – сказала она.

Алекс снова поднял руку – тем же движением, что при встрече, но уже с другим смыслом. Он развернулся. И ушел. Унижение тяжело сдавливало грудь. Неудержимо хотелось обернуться, бросить последний взгляд – не смотрит ли она ему в спину.

Он удержался.

Она была права. Вот почему он без предупреждения явился к ее дверям. Потому что знал: если она скажет «нет», ему придется уважать ее решение, а где-то в нем таилась мысль,

что ей будет труднее прогнать его, дыша с ним одним воздухом. И, возможно, так и вышло. Возможно, ей от этого стало еще хуже.

Первый попавшийся ему бар назывался «Лос-Компадрес», и пахло в нем хмелем и горячим сыром. Паренек за стойкой едва дорос до права покупать спиртное и выглядел особенно бледным из-за рыжих усиков и шевелюры, которую из жалости можно было назвать творческой. Алекс сел на барную табуретку и заказал виски.

– Рановато начинаете праздновать, – заметил, наливая, бармен. – В честь чего это?

– Оказалось, – ответил Алекс, старательно подчеркивая тягучий местный говорок, – что иногда я бываю полным дерьмом.

– Жестокая истина.

– Какая есть.

– Думаете, пьянка в одиночестве это исправит?

– Нет. Просто лечу боль брошенного мужчины традиционным средством.

– И то верно, – кивнул бармен. – Закусывать будете?

– Потом посмотрю меню.

За полчаса Алекс не выпил и половины. Бар начинал наполняться – что означало где-то двадцать человек там, где могло уместиться семьдесят. Из скрытых динамиков зазвучали мелодии ранчеро. Идея вернуться к кухне и сделать вид, что всё отлично, была лишь немногим хуже, чем пер-

спектива сидеть в баре и ждать, пока пройдет жалость к себе. Он всё перебирал варианты того, что мог бы сказать или сделать иначе, чтобы всё иначе кончилось. Пока самый разумный ответ выглядел как: «Не уходить от жены». А для него это означало: «Быть другим человеком».

Загудел терминал. Достав его, Алекс увидел сообщение от Бобби Драпер.

«Привет, Алекс. Прости, что не сразу ответила. Жутко занята. Да, если ты здесь, буду рада встретиться. Может, попросу об услуге, если ты не против. Забегай в любое время».

И адрес в Лондрес-Нове. Алекс ткнул в него пальцем и вывел на экран карту. Недалеко от бара была станция скоростной «трубы». Можно успеть к ужину. Положив ладонь на встроенный в стойку терминал, он расплатился за выпивку и выпрямился. В коридоре вокруг сломавшегося кара собрались несколько ремонтников. Женщина с молочно-белой кожей оглянулась на Алекса. Наверное, соображала, не этот ли человек – пилот Джеймса Холдена. Он прошел мимо раньше, чем она решилась спросить.

Да, хорошо будет снова повидать Бобби.

Глава 7. Амос

Сто лет назад космопорт выстроили за километр от Лавелл-Сити. Теперь он оказался в центре крупнейшего лунного города, хотя из космоса это было трудно заметить. На Луне почти не устанавливали настоящих куполов. Постоянные бомбардировки микрометеоритов превращали любой купол в приспособление для выброса атмосферы. Поэтому со снижающегося челнока видны были только несколько входных шлюзов и сам космопорт. Доки, хоть их и заменяли со времен постройки, казались всё же чертовски старыми. Когда-то между ними лежало сплошное белое покрытие, но башмаки и карты протерли в нем серые тропки. Из офиса окна-щербини выходили в длинный вестибюль, в котором пахло то ли порохом, то ли лунной пылью. Вымогатели всей толпой собрались у шлюза и проводили Амоса тяжелыми взглядами. Тот улыбнулся и помахал им, не отпуская от себя Рико с Цзянь-го и Венди до выхода из длинного терминала.

– Германо, – спросил Рико, пожимая ему руку, – ты теперь куда?

– Дальше в колодец, – ответил Амос. – Вы, ребята, приглядывайте за малышкой хорошенько, ладно? И удачи на новом месте.

Цзянь-го крепко обнял Венди.

– Присмотрим. Съе-сье устед а эчо!⁴

Рико и Цзинь-го смотрели так, словно еще чего-то ждали, но Амосу сказать было нечего – он развернулся и ушел к выходу на планетарные рейсы. Зал ожидания размещался в большом фальшивом куполе с рассчитанным на туристов интерьером. Купол весь скрывался под землей, но изнутри был от пола до потолка выложен экранами высочайшего разрешения. На них во все стороны тянулись лунные горы и кратеры, однако больше всего взгляды привлекал висящий в небе зелено-голубой полукруг. На таком расстоянии Земля была прекрасна. На темной стороне светлячками мерцали города. Солнечная половина с Луны казалась нетронутой человеком. Планета выглядела чистой, непорочной. Красивая ложь.

Закон природы, действующий, кажется, по всей Вселенной: вблизи всё выглядит хуже, чем издалека. Возьмите первую красавицу Солнечной системы, дайте подходящее увеличение – и получите апокалиптический вид на изрытую грязными кратерами равнину. Такой была и Земля. Если смотреть из космоса – сверкающая драгоценность, а если вблизи – картина катастрофы, сплошь покрытая пожирающими друг друга клещами.

– Один билет до Нью-Йорка, – приказал Амос кассе-автомату.

⁴ Спасибо вам! (ит., исп.)

Прыжок на Землю занял так мало времени, что никто не попытался побеспокоить Амоса – это было приятно. Сам перелет оказался тряским до тошноты – и в этом Амос уже не находил ничего приятного. В космосе есть одно достоинство: его огромная, наполненная излучениями пустота, всегда готовая убить неосторожного, не позволяет себе турбулентностей. Окон на челноке не было, но на экран в передней части салона передавали вид с наружных камер. Нью-Йорк разрастался от серой кляксы до крупного плана города. Космопорт на искусственном островке к югу от Стейтен-Айленда из серебристой почтовой марки превратился в огромную сеть посадочных площадок и башен, окруженную Атлантическим океаном и устьем Лоуэр-Бей. Игрушечные кораблики, которым бы только плавать в детской ванночке, выросли в огромные грузовые суда на солнечной энергии, ползающие по океану. Все, что можно было рассмотреть при посадке, выглядело чистым и технически совершенным.

И это тоже было ложью.

К моменту посадки Амос мечтал наконец уже нырнуть в городскую вонь, лишь бы увидеть что-то настоящее. Вставая – в полном тяготении Земли, – чтобы выйти из челнока, он готов был ощутить неуместность, подавленность. А в действительности что-то в самой глубине его, в генах, ликовало.

Его предки несколько миллиардов лет подгоняли строение своих тел к постоянному тяготению в одну g , направленную постоянно вниз, и сейчас организм с облегчением окунулся в потрясающую *правильность!*

– Спасибо, что выбрали наш рейс, – произнес приятный невыразительный голос со стороны висящего у выхода видеозэкрана. Говорящий старательно избавлялся от малейших признаков местных диалектов или гендерных маркеров. – Надеемся скоро увидеть вас снова.

– Пошли вы к черту, – с улыбкой бросил экрану Амос.

– Благодарю, сэр, – ответило лицо на экране, словно глядя ему в глаза. – Межпланетная кампания «Трансворд» учтет ваши замечания и пожелания.

«Труба» быстро доставила пассажиров от посадочной площадки в гостевой центр, где Амос встал в очередь на до-смотр, чтобы впервые за двадцать с чем-то лет официально ступить на земной грунт. Воздух в помещении вонял слишком тесно сгрудившимися человеческими телами, но сквозь этот запах пробивался слабый, не вызывающий отвращения аромат гниющих водорослей и соли. Океан был за самой стеной и просачивался повсюду, напоминая каждому, умеющему дышать, что Земля у человечества одна-единственная. Колыбель всего на свете. В жилах у каждого текла та же соленая вода из того же океана. Море было древнее человечества, участвовало в его создании, а когда человечество умрет, оно бездумно примет в себя его кровь.

Хотя бы это не было ложью.

– Гражданство, принадлежность, профсоюз? – спросил скучающий таможенник.

Кажется, во всем здании только эту работу не доверили роботу. Компьютеру можно задать любую программу, но ему не пропишешь чутье на «что-то неладно». Амос не сомневался, что его с ног до головы отсканировали, замерили частоту пульса, влажность кожи, скорость дыхания. Но всё это можно подправить препаратами или выучкой. Человек за стойкой *почуял* бы, окажись что-то не так.

Амос улыбнулся ему.

– Пожалуйста.

Он вывел на экран терминала свое досье гражданина ООН, и таможенный компьютер, приняв данные, сверил их со своей базой. Человек с каменным лицом прочел выводы. Амос почти три десятка лет не появлялся дома и ждал, что его направят в отдельную очередь на более тщательный до-смотр. Ему не впервой было чувствовать чужой палец в заднице.

– Документы в порядке, – кивнул таможенник, – всего хорошего.

– И вам того же, – отозвался Амос, не сумев скрыть удивления.

Дежурный нетерпеливо махнул ему – проходите! Следующий в очереди громко, с намеком, прокашлялся.

Пожав плечами, Амос пересек желтую черту, официально

отделявшую Землю от остальной Вселенной.

– Амос Бартон? – позвал кто-то. Пожилая женщина в недорогом сером костюме. Такие носили чиновники невысокого ранга и полицейские, поэтому Амос не удивился, услышав: – Вам придется поехать с нами.

Он, улыбаясь женщине, перебирал варианты. Вокруг уже сомкнулись шестеро копов в тяжелом защитном снаряжении. У троих в руках были тазеры, у остальных полуавтоматические дробовики. Что ж, эти, по крайней мере, принимают его всерьез. В некотором роде лестно.

Амос поднял руки над головой.

– Ты меня достал, шериф. Что мне шьют?

Женщина в штатском не ответила, а двое вооруженных завели ему руки за спину и надели наручники.

– Странное дело, – заметил Амос. – Я ведь едва прилетел. Все намеченные преступления пока только в теории.

– Ты бы заткнулся, – посоветовала женщина. – Это не арест. Просто прокатимся.

– А если я не хочу?

– Тогда это станет арестом.

* * *

Полицейский участок космопорта ничем не отличался от любого другого участка, знакомого Амосу. Их стены иногда красили в промышленный серый, иногда в бюрократический

зеленый, но бетон и стеклянные перегородки, за которыми теснились рабочие столы, выглядели одинаково «уютными» на Земле и на Церере. И даже подгоревшим кофе пахло одинаково.

Чиновница в штатском, кивнув дежурному сержанту, провела Амоса в комнатку, не походившую на привычные ему комнаты для допросов. Из мебели здесь, кроме стола и четырех стульев, был только массивный видеоэкран, закрывавший почти всю стену. Женщина усадила его на стул перед экраном и вышла, закрыв за собой дверь.

– Хм... – Амос задумался, не изобрели ли копы новую технику допроса.

Пудобнее устроившись на стуле, он уже приготовился вздремнуть после утомительного перелета.

«Тут что, тихий час? Разбудите кто-нибудь этого хрена!» – велел знакомый голос.

С экрана на него смотрела увеличенная в четыре раза Крисьен Авасарала.

– То ли я в хороших руках, то ли вляпался по уши, – ухмыльнулся ей Амос. – Как делишки, Крисси?

«И я рада тебя видеть. Назови меня так еще раз, и я прикажу легонько поколотить тебя кнутом», – ответила Авасарала, но Амосу почудилась на ее лице тень улыбки.

– Как прикажете, мадам юберсекретарь. Это светская беседа или?..

«Зачем, – уже без тени юмора спросила Авасарала, – ты

прилетел на Землю?»

– Собираюсь отдать дань уважения умершему другу. Я что, забыл заполнить какую-то анкету?

«Кому? Кто умер?»

– Не твое собачье дело, – любезно отозвался Амос.

«Тебя не Холден прислал?»

– Нет. – Амос чувствовал, как гнев согревает внутренности не хуже доброго виски.

Он напряг руки, прикидывая, сумеет ли избавиться от наручников. И прорваться через набитое копами помещение.

И улыбнулся этим мыслям, не замечая того.

«Если ты явился за Мартри, он сейчас не на Земле, – сказала Авасарала. – Он заявил, что на обратном пути ты до полусмерти избил его на „Росинанте“. Собрался закончить начатое?»

– Мартри начал первым. Так что, строго говоря, я не выходил за пределы самообороны. И если бы я хотел его убить, он был бы мертв, как тебе кажется? Я не потому остановился, что устал бить.

«Тогда зачем? Если Холден велел мне что-то передать, выкладывай. Если передал сообщение кому-то другому, говори сейчас же кому».

– Ни хрена Холден никому не передавал, – ответил Амос. – Или я повторяюсь? Кажется, повторяюсь.

«Он...» – начала Авасарала, но Амос перебил:

– Он – капитан корабля, на котором я летаю, а над моей

жизнью он не хозяин. У меня есть личные дела, и я здесь, чтобы ими заняться. А теперь пусть мне либо что-то предьявят, либо выпустят.

Только когда Авасарала откинулась на спинку кресла, Амос понял, что до сих пор старуха сидела, подавшись к нему. Она протяжно выдохнула, почти вздохнула.

«Ты это всерьез, а?»

– Меня никто шутником не считает.

«Понятно. Но и ты пойми, что я озабочена».

– Как бы Холден чего не затеял? Ты с ним вообще-то знакома? Парень в жизни ничего тайком не делал.

«Верно, – засмеялась Авасарала. – Но если он присылает на Землю наемного убийцу, мы...» – Постой, что такое?

«Если Холден...»

– Я не о Холдене. Ты меня назвала наемным убийцей. Вот вы за кого меня держите? Убийца на ставке у Холдена?

«А это не так?» – насупилась Авасарала.

– Ну, в основном я механик. Подумать только, что в досье ООН я числюсь убийцей! Даже неловко.

«Ты так говоришь, но меня, знаешь ли, это не убеждает».

– Так... – Амос пожал плечами как землянин – руки были стянуты у него за спиной. – С этим все?

«Более или менее, – кивнула Авасарала. – Остальные, когда ты улетаешь, были в порядке?»

– «Роси» у Илоса потрепали, но команда цела. Алекс собрался повидаться со своей бывшей. Капитан с Наоми по-

прежнему частенько трутся животами. Все, в общем, по-старому.

«Алекс на Марсе?»

– Ну, его бывшая там. Я так понял, что он собирается туда. Но когда я вылетал, он еще был на Тихо.

«Забавно, – протянула Авасарала. – Это я не про попытку восстановить связь с бывшей женой. Такое всегда выставляет человека подонком».

– Неужели?

«Ну... – сказала Авасарала и оглянулась на кого-то за кромкой экрана. С улыбкой приняв из протянувшейся к ней руки чашку, она отпила исходящую паром жидкость и удовлетворенно вздохнула. – Спасибо за беседу, мистер Бартон».

– Было очень приятно.

«Прошу вас помнить, что мое имя в данный момент очень тесно связывается с „Росинантом“, капитаном Холденом и его командой».

– Ну и что? – Амос снова пожал плечами.

«И ничего. – Авасарала поставила горячую чашку и снова склонилась к нему. – Если вы соберетесь сделать что-то, что мне потом придется покрывать, я буду благодарна за предварительный звонок».

– Тебе невозможно отказать, Крисси!

– Честное слово, брось это на фиг, – улыбнулась она, и экран погас.

Когда в комнату вошла женщина, остановившая его в космопорту, Амос подбородком указал ей на экран. «По-моему, я ей нравлюсь».

* * *

Улицы Нью-Йорка не отличались от балтиморских, на которых вырос Амос. Много высоких зданий, плотное движение машин-автоматов, толпа людей, отчетливо разделяющихся на два разряда: те, кому есть куда деваться, и те, кому пойти некуда. Первые сновали от общественного транспорта к дверям зданий в ритме рабочих смен. Они же покупали что-то в торговых автоматах: сам факт наличия денег был приметой их статуса. А вот те, что состояли на базовом обеспечении, шлялись и слонялись, питаясь от излишков производства и добавляя к ним, сколько могли, от подпольных предприятий, настолько мелких, что власти закрывали на них глаза.

Среди них призраками, заметными только друг для друга, двигались люди третьего разряда. Обитатели трещин. Воры, ищущие легкой добычи. Толкачи и сутенеры, проститутки разного возраста, пола и сексуальной ориентации. Амос когда-то был одним из них. Толкач на углу поймал его взгляд и ответил хмурым кивком, поняв, кого видит, но не узнав в лицо. Не важно. Он пробудет в городе не настолько долго, чтобы те, кому это надо, разобрались в его месте в экосисте-

ме.

Погоуляв пару часов, чтобы привыкнуть к силе тяжести и ощущению бетона под ногами, Амос наугад выбрал отель и взял номер. Кое в чем он изменился – у него появились деньги. Служба на «Росинанте», при всей ее опасности и драматичности, оказалась выгодным предприятием. Получив свою долю, Амос мог не беспокоиться о цене номера – он просто дал терминалу команду оплачивать все, что будет поставлено в счет.

В номере он долго стоял под душем. Лицо Лидии смотрело на него из зеркала, когда он чистил зубы и сбрасывал отросшую на голове короткую щетину. Мытье походило на ритуал. На омовение перед свершением священного обряда.

Закончив, он нагишом сел на большую кровать и перечитал некролог.

«Лидия Маалуф Аллен скончалась в среду 14 апреля в...»

Аллен. Под этим именем Амос ее не знал. Для псевдонима не годится – Лидией Маалуф она и раньше называлась открыто. Значит, не псевдоним. Фамилия мужа? Интересно.

«Она оставила мужа, с которым прожила одиннадцать лет, Чарльза Джейкоба Аллена».

Через десяток лет после его ухода Лидия вышла замуж за какого-то Чарльза. Амос потыкал эту мысль, как тычет пальцем в ранку, проверяя, не воспалилась ли. Не болит? Нет, он чувствовал только любопытство.

«Она тихо отошла у себя дома в Филадельфии на руках

у мужа».

Чарльз последним видел ее живой, значит, его первым делом и надо искать. Еще несколько раз перечитав некролог, Амос залогинился на транспортном сайте и заказал на вечер билет на скоростной поезд до Филадельфии. Потом откинулся навзничь и закрыл глаза. Его почему-то взволновала мысль о встрече с мужем Лидии. Как будто ее семья была и его семьей, и Чарльза этого он давно должен был знать, а познакомиться собрался только теперь. Сон не шел, но мягкая постель расслабляла сведенные мышцы спины, и остатки тошноты после перелета исчезли. Дорога перед ним была ясна.

Если Лидия в самом деле тихо умерла в своей постели на руках любящего мужа, он познакомится с этим мужем. Увидит дом, где она жила. Положит цветы на могилу и скажет последнее «прости». Если нет, он кого-то убьет. Ни тот, ни другой вариант его особо не волновали. Как будет, так будет.

Амос уснул.

Глава 8. Холден

Холден прокрутил видео к началу и просмотрел еще раз. Корабль – уродливая металлическая коробка с притороченными к бортам дополнительными контейнерами – напомнил фургоны американских переселенцев. Это сравнение было недалеко от истины. Судно «Раба Балхи», зарегистрированное на капитана Эрика Хана с Паллады, так же возило имущество первопроходцев и их самих. Только вместо лошадей его двигали вперед ядерные реакторы.

Судно снова вошло в ворота, изображение подпрыгнуло, исказилось, и «Балхи» не стало.

– И что ты думаешь? – спросила Моника.

Холден почесал плечо, размышляя над ответом.

– Такая старая лоханка может пропасть там по тысяче причин, – заговорил он. – Нарушение изоляции сердечника, потеря атмосферы, столкновение с космическим мусором. Да что там, может, у них рация поломалась, а они живут себе на новой планете и ждут, пока кто-то их навестит.

– Да, – кивнула Моника, – но только если бы такой случай был один. За последний год сквозь кольца ушло в новые солнечные системы четыреста тридцать семь кораблей, и тринадцать из них просто исчезли. – Пф-ф! – Она растопырила пальцы, изображая взрыв.

Холден подсчитал в уме. Получилось три процента. Во

времена его флотской службы руководящие документы допускали полпроцента потерь за счет отказа техники, столкновений с астероидами, саботажа и действий противника. Здесь было в шесть раз больше.

– Хм, – проговорил он, – многовато для кораблей, способных выдержать полтора года пути до Кольца.

– Согласна. Их слишком много. Если бы корабли настолько часто взрывались, никто бы на них не летал.

– Так... – Холден прервался, чтобы заказать в настольном меню еще спиртного. Почувствовал, что ему нужно выпить. – А почему об этом не слышно? Кто их отслеживает?

– Никто! – победоносно заявила Моника. – В том-то всё и дело. Никто не отслеживает. Систему через ворота покидают тысячи кораблей. Их владельцы – граждане трех разных государств, а кое-кто ни одному правительству не подчиняется. Большая часть их не заполняла никаких полетных планов, просто забросила чемоданы в прыгун, курсирующий между астероидами, и рванула в новый мир.

– Да, когда колонизировали Америку, наверное, тоже так было.

– Ну вот, они улетают поодиночке или горстками, и все надеются оказаться первыми. Только вот что-то их перехватывает. И они исчезают. По крайней мере, некоторые.

– У тебя, – догадался Холден, – уже есть гипотеза?

– Я подозреваю протомолекулу.

Холден вздохнул, двумя руками потер лицо. Перед ним

появилась выпивка, и на минуту он сосредоточился на ней. Рот наполнил холод льдинок и кусачая крепость джина. Моника, глядя на него, чуть не подпрыгивала от нетерпения.

– Не может быть, – сказал он. – Протомолекулы больше нет. Убита. Последний ее действующий фрагмент я закинул на Солнце.

– Как знать? Даже если с орудием создания колец покончено, нам известно, что вся конструкция создавалась при помощи протомолекулы. Я читала доклады. Все эти роботы и прочее, что пробудилось на Илосе. Протомолекула атакует нас за то, что мы захватили ее имущество.

– Нет, – возразил Холден, – всё было не так. Я, не зная того, таскал за собой часть первоначальной инфекции, которая пыталась связаться с теми, кто ее запустил. И при этом включал разное оборудование. Мы ее вырубали и, знаешь ли, забросили на звезду, чтобы такое больше не повторялось.

– Ты уверен?

Кто-то из поваров суши-бара выкрикнул объявление, и кучка окружавших его посетителей заплодировала. Холден набрал в грудь воздуха и медленно, сквозь зубы, выдохнул:

– Я предполагаю, что такое невозможно. Ты берешься доказать обратное?

– Я знаю, как *ты* мог бы доказать, – сказала Моника, и Холден, заглянув ей в лицо, понял, что ради этого момента и был затеян весь разговор. Она походила на подбирающуюся к еде голодную кошку. – Последний, вероятно, сохранив-

шийся образец протомолекулы остался у Фреда Джонсона. Тот, что ты забрал с секретного корабля «Мао – Квиковски».

– Тот... Как ты узнала? – испугался Холден. – И многие ли знают, кроме тебя?

– Я не раскрываю своих источников, но считаю, что этот фрагмент нужно заполучить обратно и попытаться разбудить. Пусть твой призрачный Миллер вернется и проверит, не протомолекула ли заставляет врата губить наши корабли.

В голове у Холдена с грохотом столкнулись варианты ответов: от «Ничего хуже не придумать!» до «Ты хоть сама понимаешь, что предлагаешь?». Через несколько секунд победитель пробился наружу:

– Мне что, заняться вызыванием духов?

– Я бы это так не назвала...

– Нет, – сказал Холден. – Нет, и все.

– Я этого так не оставлю. Раз не хочешь помочь ты...

– Я не отказываюсь помочь. Я только сказал, что не собираюсь общаться с клочком убийственной дряни чужаков в надежде, что она примется рассказывать мне байки старого копа. Эту дрянь ворошить не будем. Оставим ее в покое.

Моника с интересом разглядывала Холдена. Не знай он ее так хорошо, не заметил бы обиды и разочарования.

– Тогда как же мы поступим? – спросила она.

– Знаешь старую шутку про стук копыт?

– Не припомню.

– Долго рассказывать, но суть состоит в том, что, слы-

шав вдали стук копыт, разумнее предположить, что это лошади, а не зебры. А ты сразу заподозрила единорога.

– Так что ты хотел сказать?

– Что, прежде чем открывать охоту на единорога, стоит поискать лошадь или хотя бы зебру.

* * *

Появление новой интригующей тайны не отменяло ежедневных обязанностей Холдена, но дало ему повод занять мысли и отвлечься от тоски по Наоми. И по Амосу, и по Алексу. Но прежде всего – по Наоми. Пробираясь по обнажившемуся ребру «Роси» с плазменной горелкой в руке и разыскивая трещины, он прикидывал, куда могли направляться пропавшие суда. Моника верно подметила: их было слишком много для случайных аварий. Хватало и других объяснений, не требующих привлекать единорога-протомолекулу. Однако Холден с тех пор, как познакомился с детективом Миллером, перестал верить в случайные совпадения. А среди прочих серьезных событий числились атаки АВП на владения внутренних планет.

И даже на самую Землю.

Радикальная фракция АВП наотрез отвергала колонизацию. И вот – стали бесследно исчезать корабли снабжения переселенцев. Кроме того, станция «Медина» – в девичестве корабль «Бегемот», а еще раньше «Наву» – была ступицей

всех колец-ворот и контролировалась исключительно АВП. Сюжет складывался правдоподобный, хотя доказательства и отсутствовали.

Согласно этому сюжету, пиратские корабли брали суда на бордаж, забирали груз, а колонистов... вышвыривали за борт? Мерзко, конечно, но люди вытворяли друг с другом вещи и похуже. Но тогда оставались бы трофеи. Захватить судно и сделать так, чтобы оно исчезло? Для этого надо было сменить опознавательный код. Тот факт, что «Росинант» больше не назывался «Тахи», свидетельствовал – АВП такое умеет.

– Сакаи, – позвал Холден, открыв приватный канал связи с главным инженером. – Хо, ты здесь?

«Проблемы?»

Тон, которым он это сказал, подразумевал: попробуй только пожаловаться! Холден привык и не обижался. Сакаи по умолчанию пребывал в раздраженном состоянии.

– Скорее, загадки.

«Терпеть не могу загадок», – буркнул Сакаи.

– Предположим, кто-то похищает корабли и меняет на них опознавательные коды. Как бы ты стал искать эти корабли?

Минуту инженер задумчиво сопел.

«Я бы искал не пропавшие, – прозвучал ответ, – а новые, невесть откуда взявшиеся».

– Да, верно. Именно так. Спасибо!

Задержавшись у треснувшего стыка корпуса и одного из ребер, Холден начал обрабатывать его горелкой. Щиток перед лицом затемнился, превратив мир в сплошную черноту с единственным голубым огоньком. За работой Холден сообщал, как вычислить возникшие словно по волшебству новые корабли. Неплохо бы начать с выложенного в открытый доступ реестра, но, если разбираться с ним вручную, закопаться с головой. Будь здесь Наоми, она бы, конечно, написала программу и за десять минут с ручного терминала нашла все, что нужно. Холден, увы, в этом деле ей в подметки не годился, но Фред держал на жаловании программистов, и если он...

«А почему ты спросил?» – поинтересовался Сакаи.

Он молчал так долго, что Холден не сразу вспомнил, о чем шла речь.

– Ты о том, зачем мне искать пропавшие корабли?

«Угу».

– Их ищет моя приятельница, она журналистка. Я обещал ей помочь. Вот и ломаю голову, как это сделать.

«Стюарт, – проговорил Сакаи, скорее не спрашивая, а утверждая. – Слышал я, что она на станции».

– Да, моя давняя подруга Моника. То есть я-то считаю, что она ищет черную кошку в темной комнате, но помочь обещал. К тому же какое-никакое занятие – всё лучше, чем страдать и жалеть себя в одиночестве.

«Так-так, – протянул Сакаи и после долгой паузы доба-

вил: – Значит, всё пока не настолько ужасно, чтобы ты поверил в черную кошку?»

* * *

На домашнем экране замигал огонек видеосообщения. Как Холден ни твердил себе, что это наверняка не Наоми, всё же, когда увидел круглое лицо Алекса, испытал сокрушительное разочарование.

«Привет, босс, – поздоровался пилот. – Я это... отчитаться о своей встрече с бывшей и о примирении со слезами на глазах... Короче говоря, ничего не вышло. Может, мне следовало получше подготовиться. Но я еще до отлета собираюсь повидаться с Бобби – это луч света. Как там мой красавчик? Всё там начистили и подкрасили к моему возвращению? Будет возможность, еще свяжусь. Камал, конец связи».

Холден едва не начал ответ с расспросов о бывшей жене, но поселившийся у него в голове голос Наоми предупредил: «Не суй нос, куда не надо», – и он вместо этого записал: «Спасибо, что объявился. Передай Бобби наилучшие пожелания. „Роси“ еще не один месяц чинить, так что можешь не торопиться».

Минуту он придумывал, что бы еще добавить, потом стер пустые секунды и отправил сообщение. Странно: человек может стать для тебя очень важным, и всё же, если не дышишь с ним одним воздухом, сказать ему нечего. Будь Алекс

рядом, они говорили бы о корабле, о других двоих из команды, о работе. Но, когда команда врозь, а «Роси» на приколе, любая тема для разговоров кажется вторжением в личные границы. Мысли об этом вели по долгой и темной дороге к горькому одиночеству, потому Холден решил пока заняться расследованием.

Он немного жалел, что не обзавелся шляпой.

* * *

– Опять ты? – встретил его Фред, когда Холден вместе с кем-то из мелких служащих просочился к нему в кабинет. – Понимаю, кофе у меня хорош, но...

Холден прихватил стул и устроился рядом, пока Фред возился с кофейной машиной.

– Знаешь, Моника Стюарт на Тихо.

– Да уж... Думаешь, мне не доложили, что на станцию прибыла такая особа?

– Не думаю, – признался Холден. – А знаешь, зачем она здесь?

Кофеварка зашипела, комнату наполнил сочный горьковатый запах. Дожидаясь кофе, Фред склонился над столом и отстучал команду терминалу.

– Что-то с пропавшими кораблями, да? Так считает наша разведка.

– А твои люди этим совсем не занимались?

– Честно? Нет. Слухи доходили, но у нас и так дел по горло. Все корабли с рабочим эпштейновским движком прут к кольцам. Нам хватает забот, чтобы они не столкнулись на подходе. Идут они большей частью в неразведанные системы, где нет других кораблей и станций. От некоторых потом нет вестей – иного, в общем, и ожидать не приходится.

Холден с благодарностью принял у Фреда чашку, кивнул и сделал первый глоток. Кофе его не разочаровал.

– Это я понимаю, – сказал Холден, – и считаю гипотезу Моники маловероятной, но, если мы не найдем другого объяснения, она выдаст на публику именно ее.

– У нее уже и гипотеза есть?

– Она считает, что виновата протомолекула. Первое доказательство – разгуливающие по Илосу роботы и прочая техника.

– Ты мне говорил, что такое не повторится, – нахмурился над своей чашкой Фред. И продолжил, сдувая парок, так что облачко отлетало от губ, словно дыхание дракона: – Что, Миллер вернулся?

– Нет, не возвращался. Насколько мне известно, нигде в мире не осталось активной культуры протомолекулы. Однако...

– Однако у меня есть полученная от тебя неактивная.

– Верно, и Моника откуда-то об этом прознала.

Фред нахмурился еще больше.

– Где-то у меня утечка.

– Да, наверняка, но меня не это беспокоит.

Фред поднял брови в безмолвном вопросе.

– Моника, – продолжал Холден, – выдумала, что нам надо достать эту слизь и использовать вместо блюдечка для связи с духом Миллера.

– Вот уж глупость! – удивился Фред.

– Тоже так считаешь? Вот я и подумал, что надо перебрать все другие возможности, прежде чем заваривать кашу с этим вирусом.

– Причем заваривать не в первый раз. – В словах Фреда почти не было сарказма. – У тебя есть альтернативные идеи?

– Есть, – кивнул Холден, – но тебе они не понравятся.

– Если нужна анестезия, у меня и бурбон найдется.

– Возможно, и до анестезии дойдет, – улыбнулся Холден и, выигрывая время, допил кофе.

Как ни постарел за эти годы Фред, Холден его всё же побаивался. Ему трудно было затрагивать темы, способные разозлить Джонсона.

– Еще? – предложил Фред, кивнув на пустую чашку.

Холден помотал головой.

– Есть экстремисты АВП – ты мне о них рассказывал, – начал он.

– Не думаю...

– Они уже нанесли по меньшей мере два удара. Один по марсианскому предприятию, другой – по Земле.

– И оба неудачные.

– Возможно, – сказал Холден, – но мы исходим из того, что их цели нам известны, а это ненадежное предположение. Возможно, взрыв на большом участке марсианской верфи и ракеты земного патруля, выпущенные по древнему грузовику, – для них победа?

– Да, – нехотя кивнул Фред, – такое возможно.

– Но Марс и Земля – только две стороны треугольника. Если радикалы боятся, что внутренние планеты по мере освоения новых миров забросят Пояс, то и колонисты для них проблема.

– Согласен.

– Так разве не могли радикалы АВП в дополнение к взрывам на внутренних планетах захватить в целях устрашения несколько кораблей переселенцев?

– Ну, – медленно, словно на ходу обдумывая ответ, заговорил Фред, – место уж больно неподходящее.

– Ты о том, что всё происходит за воротами?

– Именно, – подтвердил Фред. – Если б те корабли расстреляли при проходе через Пояс, это было бы одно. Но по ту сторону колец? У кого есть туда доступ? Или ты подозреваешь саботаж на борту? Или мины очень замедленного действия?

– Есть третий вариант, – заметил Холден.

– Нет, невозможно, – отрезал Фред, предугадав ход его мыслей.

– Послушай, Фред. Я понимаю, ты и думать не хочешь, что

кто-то на «Медине» работает против тебя. Возможно, подчищает отчеты. Или отключает датчики, когда надо что-то скрыть. Я понимаю, почему это так трудно проглотить.

– «Медина» – основа наших долговременных планов, – проскрежетал Фред. – Там работают мои лучшие, самые верные люди. Если там действует пятая колонна радикалов, значит, мне вообще никому доверять. С тем же успехом мне можно уходить в отставку.

– На «Медине» несколько тысяч человек. Разве ты каждого знаешь лично?

– Не знаю, но управляют станцией *мои* люди. Самые верные. То, что ты описал, никак не может случиться без их ведома и содействия.

– Жуткая мысль.

– Это значило бы, что «Медина» мне не принадлежит, – заключил Фред. – Что самая жестокая, твердолобая, фанатичная фракция нашего Альянса держит за горло всю Галактику. – И как же, – спросил Холден, – нам это проверить?

Фред откинулся в кресле, вздохнул и грустно улыбнулся Холдену.

– Знаешь, что я думаю? По-моему, ты затосковал в одиночестве и ищешь себе развлечений. Не вздумай от нечего делать рушить организацию, которую я собирал всю жизнь.

– Но суда-то пропадают! Пусть не «Медина», но кто-то их перехватывает. Нельзя же об этом забыть и надеяться, что всё обойдется.

– Займись своим кораблем, Джим. Займись им и собирай команду. Пропавшие суда – не твоя забота.

– Спасибо за кофе, – сказал Холден, вставая.

– Ты это дело не бросишь, а?

– А ты как думаешь?

– Я, – объявил Фред, – думаю, что за все, что ты у меня поломаешь, придется платить.

– Учту, – согласился Холден. – Обещаю держать тебя в курсе.

В дверях кабинета ему привиделся Миллер и с усмешкой напомнил: «Будь уверен, если никто не хочет знать ответа, значит, вопрос по-настоящему интересный».

Глава 9. Наоми

Астерская девчонка по имени Наоми Нагата стала теперь женщиной. Пусть разница между ними создавалась днями, часами, минутами, но теперь их диаграммы Венна почти не перекрывались. То, что можно было срезать, она срезала много лет назад. Осталось то, что не поддавалось ее усилиям. Обычно ей удавалось обойти эти участки.

– Приятно провести время на Церере, – пожелала женщина-таможенник, уже переключившись на следующего в очереди.

Наоми кивнула, вежливо улыбнулась сквозь водопад волос и вышла в широкие коридоры космопорта. Лицо среди миллионов лиц.

Станция Церера была самым крупным городом Пояса. Около шести миллионов жителей в полостях астероида диаметром сотни километров. Наоми говорили, что один только космопорт ежедневно добавлял к ним миллион транзитных пассажиров. Для Наоми большую часть жизни это представлялось символом колониализма внутренних планет. Крепостью врага на родной астерской земле.

За пределами космопорта в коридорах стало тепло, почти жарко – энтропия города, как в термосе, была заперта в космическом вакууме. Густая влажность воздуха, запахи человеческих тел и высохшей мочи казались Наоми улыбкой ста-

рого друга. Трехметровые экраны выкрикивали рекламу – то механического оборудования, то высокой моды, – вплетая еще одну нить в непрерывную рокошущую симфонию голосов, транспорта, машин. Открытый новостной канал показывал картины военных действий где-то на Земле. Очередные инсургенты или традиционный этнический конфликт снова требовали кровавую дань – мелочь, не заслуживающая внимания, не будь это Земля. Даже для астеров, не первое поколение считавших своей родиной космос, Земля оставалась каким-никаким, а символом. Мать человечества, попиравшая сапогом шею каждого астера. На экране появился светлокожий мужчина. Из разбитого лба текла кровь, над головой он поднимал какую-то книгу. Наверное, священную. И кричал, в ярости раскрывая рот. Убив столько же народу в Поясе, вы в новости не попадете. Даже сейчас.

Наоми свернула по направлению вращения. Поискала киоск с чем-нибудь вкусным. Корпорации продавали на всех станциях одни и те же продукты. Теперь, когда Церера перешла к АВП, появились варианты. Дхеджет, яичный карри, лапша с почти коровьим молоком, красная дробленка – еда ее детства. Астерская еда. Кухню «Росинанта» конструировали для марсианского флота, и блюда она выдавала питательные, обычно вкусные, иногда превосходные – но *не ее!*

Наоми купила красную дробленку в потертом ларьке, заклеенном наслоениями рекламы ночных клубов. Ей в ладонь лег контейнер из бурого крафтового картона с пластмассо-

вой пластинкой-ложечкой. Рот сразу наполнился ароматом тмина, а голова – проклюнувшимися из слоя пыли воспоминаниями. На минуту Наоми очутилась на своей койке на корабле тио⁵ Кристека, скрючилась над белой керамической мисочкой еды, когда-то любимой, а потом забытой. Остальные пели, собравшись в камбузе. Ей тогда было не больше шести, но воспоминание всплыло свежее и яркое. Она съела еще ложку, наслаждаясь вкусом. И заметила, что за ней следят.

Мужчина был тощ даже для астера. Стоял метрах в пятнадцати от нее, со скучающим видом смотрел новости. Наоми сама не знала, почему его заметила, и не усомнилась, что этот человек ждет ее. Пожалуй, очень уж небрежно он отворачивался от нее или как-то странно держался.

Наоми пошла дальше по направлению вращения станции, быстро, но не бегом, вынуждая его догонять. На ходу сканировала толпу вокруг. Если она не ошиблась, могут быть и другие из его команды. Она легко просачивалась в просветы между телами, отыскивала открывающиеся на миг щели в толпе. Она провела на Церере полгода – ждала попутного корабля в тринадцать лет, – но по-настоящему освоиться на станции не успела. С трудом вспоминая дорогу, она пробивалась к поперечному коридору, который вроде бы соединял две широкие магистрали.

Она могла и ошибиться. Не исключено, что тот человек

⁵ Дядя (*исп.*)

просто попался ей на глаза в тревожный момент. Наоми не оглядывалась, пока ее поперечный ход не влился в широкий поток пешеходов из следующих ворот. Там она с первого взгляда нашла то, что искала. Пункт обмена валюты с матовыми стенами разбивал людской поток, как камень в реке. Она, не задерживаясь, скрылась за его дальней стеной и прислонилась к ней, чувствуя лопатками холодок металла. От высокой влажности на ключицах и на лбу под волосами выступил пот. Стараясь держаться неприметно, Наоми медленно считала от ста до нуля.

На счет «тридцать два» человек – его звали Вингз – пролетел мимо, задрал голову и вглядываясь в толпу впереди. Рот Наоми наполнился острым металлическим привкусом страха. Снова обогнув киоск, она скрылась в том коридоре, откуда только что вышла. Отступая по собственному следу, она лихорадочно перебирала объяснения. Марко решил наконец разрубить узел между ними, а Филипа использовал вместо наживки? Или силы безопасности долго ждали ее и дождались? Или кто-то, пересмотрев новостей с Илоса, вздумал за ней увиваться? Или Марко просто послал кого-то о ней позаботиться? Тоже вполне вероятно.

Вернувшись в основной коридор, она вызвала карт и заплатила за поездку на три уровня выше, в открытый парк. К ее облегчению, женщина-водитель даже не посмотрела на пассажирку. Откинувшись на жесткое пластиковое сиденье, Наоми доела дробленку. Шины прошуршали по покрытию

эстакады – наверх, ближе к центру вращения и дальше от порта.

– Точнее, куда? – спросила женщина.

– Еще не знаю, – ответила Наоми. – На месте разберусь.

* * *

Она познакомилась с Марко в шестнадцать лет, когда заканчивала школьный проект на станции Гигея. На Луне такая работа обеспечила бы ей место инженера на любой из крупных верфей, но это был учебный проект, и ей оставалось еще три, если не четыре, семестра до поиска работы – хотя квалификации хватало уже тогда.

Марко работал в команде старателей и космических старьевщиков, ремонтировавших на Гигее. Потом они возвращались в Пояс, соскребали крохи редких металлов, иной раз подбирали попавшиеся на дороге обломки кораблей. Ходили слухи, что некоторые «обломки» оказывались на удивление новенькими. Их капитан – старик Рокку – ненавидел внутреняков не меньше любого астера. Все в команде были фанатиками АВП, она не стала боевой группой только потому, что пока такого не предложили.

Наоми жила с тиа Марголис – очередной приемной тетушкой – и нелегально подрабатывала на очистной станции за воздух, воду, еду, доступ в сеть и койко-место. Марко и его соратники представлялись ей тогда бастионом стабильности.

Команда, продержавшаяся вместе семь рейсов, была всё равно что семья.

Да и сам Марко поражал воображение. Темные глаза, мягкие темные волосы, губы – купидонов лук – и борода, которая колола ладонь, как – в представлении Наоми – шкура дикого зверя. Он околачивался в коридоре у бара – был слишком молод, чтобы покупать спиртное, но достаточно обаятелен, чтобы народ постарше брал ему выпивку, если не удавалось уговорить самого бармена. Остальные подчиненные Рокку – Большой Дэйв, Син, Миккам, Карал – на корабле были выше рангом, а на берегу следовали за Марко. Наоми не могла бы сказать, с какого момента стала членом их команды. Она просто прибилась к ним, бывала в тех же местах, смеялась над теми же шутками, и с какого-то момента ее стали ждать. А когда взломали ворота склада и превратили его во временный клуб «только по приглашениям», то взяли ее с собой. И скоро она уже сама помогала со взломами.

Станция Гигея в те времена была в расцвете. Коалиция Земля – Марс казалась несокрушимой. Налоги и тарифы едва позволяли существовать на базовое пособие. А иногда не позволяли. Местные корабли экономили воздух, доводя команду до аноксии. Гидропоника на черном рынке шла на ура. Станция Гигея, хоть и числилась номинально собственностью земной корпорации, на практике была автономной зоной, кое-как державшейся на привычке, отчаянии и въевшемся в кости каждого астера почтении к инфраструктуре.

В компании Марко даже старое растрескавшееся керамическое покрытие казалось немножко не таким паршивым. Он придавал смысл всему, что его окружало. Однажды астерская девчонка по имени Наоми поклялась, что последует за ним куда угодно. Теперь она стала женщиной и не собиралась держать слово.

Но всё же она прилетела.

Бистро «Ржавчина» располагалось высоко, у самого центра вращения. Вход перегораживали ветхие двери, раскрашенные герметиком, внутри Наоми встретил мрачный взгляд вышибалы на полголовы выше ее и вдвое шире в плечах. Но он ее не остановил.

Здесь, наверху, вращение станции тянуло вбок, а не вниз. Струя воды падала наклонно. В этих коридорах было полно астеров – и не только из-за дешевизны района. Ни землянину, ни марсианину никогда не свикнуться с силой Кориолиса, действующей почти на уровне подсознания. Астеры гордились тем, что живут под действием центробежной силы, это было знаком их общности и их инакости.

Мрачная музыка заполняла помещение, накатывая грозными низкими волнами. Пол – там, где его не покрывала шелуха арахиса, – был липким, а пахло здесь солью и дешевым пивом.

Наоми прошла в дальний конец зала, села, укрывшись за рядами стульев. Вокруг расположились человек пятнадцать. Она и сейчас чувствовала на себе их взгляды. Подбородок

у нее сам собой выдвинулся вперед, губы презрительно изогнулись – она сделала это не столько от неприязни, сколько подлаживаясь под окружающую среду. Стена, к которой прислонилась Наоми, вибрировала от басовых нот.

Она заказала пиво через систему на столике и сразу расплатилась. Не успел тонколицый паренек за стойкой подать заказ, как металлическая дверь в коридор снова отворилась, и вошел Вингз. Он двигался напряженно и беспокойно, лицо злобно замкнулось. Нет, он ее не выследил – просто вернулся на базу, упустив. Наоми подалась еще на сантиметр назад и постаралась слиться со стеной.

Вингз подсел к стойке, встал и снова сел. Открылась дверь в задней стене, спрятанная до сих пор тенями. Оттуда вышел огромный человек. Мускулы на его шее и торсе выпячивались так, что можно было изучать по ним анатомию. Короткая стрижка блестела стальной сединой, за левым ухом речной дельтой расходились белые линии шрамов. Сбоку на шее ярко чернела татуировка – рассеченный круг АВП. Человек подошел к стойке, где сидел Вингз. Тот заранее виновато развел руками. Слов Наоми не слышала, но суть была понятна и так. Да, он ее видел. Упустил. Извиняется. Пожалуйста, не надо разбивать коленную чашечку. Наоми позволила себе усмехнуться.

Великан мотнул головой, кивнул и сказал что-то такое, от чего Вингз расслабился – и даже выдавил улыбку. Его собеседник медленно осмотрелся, щурясь в полумраке. Его

взгляд уперся в Наоми. Молодой бармен двинулся с ней с пивом на подносике, но великан остановил его, толкнув в грудь. Наоми чуть выпрямилась, смотря в глаза подходившему к ней человеку. Они остались такими же светлыми, как ей помнилось.

– Костяшка, – сказал он.

– Син, – произнесла Наоми. Мощные лапы обняли ее, подняв с места. Она ответила на объятия. Словно медведя обхватила – горячее тело даже пахло по-звериному. – Боже, да ты совсем не изменился, а?

– Разве что к лучшему, ухти. Вырос и поумнел.

Син уронил ее на место. От улыбки лицо его пошло морщинами, как вода рябью. Наоми похлопала его по плечу, и улыбка стала еще шире. Вингз разглядывал их у стойки круглыми как блюдца глазами. Наоми помахала ему. Тот, поколебавшись, махнул в ответ.

– Ну, что я пропустила? – спросила Наоми, когда Син повел ее к выходу.

– Все, и больше ничего, са-са? – отозвался Син. – Что тебе Марко сказал?

– Чертовски мало.

– Он всегда такой. Всегда такой.

Коридор за жестяной дверью, змеясь, уходил в каменное тело астероида. Герметик на нем потемнел и шелушился от старости, камень излучал холод. К стене прислонились вооруженные мужчины. Старшего звали Карал, двоих помо-

ложе она не знала. Наоми мимоходом чмокнула Карала, и остальные взглянули на нее с опасливым недоверием. Потайной коридор закончился стальной дверью.

– Зачем такая секретность? – удивилась Наоми. – Церера ведь теперь в руках АВП.

– Вопрос в том, какого АВП, – возразил Син.

– Ты, значит, из другого, – кивнула она, теплотой в голосе скрывая беспокойство.

– Как всегда, – согласился Син и пригнулся, чтобы пройти за отъехавшую в сторону дверь.

Его широкие плечи загородили проем. Наоми шагнула следом.

– Зависли здесь, – через плечо пояснил Син. – А долго задерживаться нельзя. Нам уже месяц, как полагалось бы встретиться с Марко.

– Марко здесь нет?

– Здесь одни мы, цыплятки, – с улыбкой в голосе произнес он.

Она оказалась в большой холодной камере. Переносной газопромыватель перемешал застоявшийся воздух и оставил после себя запах резины. На полках из формованной пластмассы стояли пайки и вода. У стены высились четыре яруса коек. Под одеялами угадывались свернувшиеся тела, но Син явно не опасался потревожить спящих – ничуть не понизил голос.

– Такое дело: нам лучше забраться туда, где до нас не до-

тянутся, когда всё всплывет, са-са?

– Что всплывет? – спросила Наоми.

Син сел к столу и, дотянувшись до полки, снял бутылку без этикетки. Пробку сорвал зубами.

– Ай, Костяшка, – со смешком ответил он, – он и правда не много тебе сказал, да?

Пока Син разливал по стаканам янтарную жидкость, Наоми опустилась на табуретку. От напитка тянуло алкоголем, маслом и жженым сахаром. Слюнные железы отозвались на этот запах. Вкус был – как возвращение домой.

– С бренди тиа Марголис ничто не сравнится, – вздохнул Син.

– Ничто и никогда, – подтвердила Наоми. – Слушай, раз уж я здесь, может, введешь в курс дела?

– Ну, – начал Син. – Дело в тех гнусных кольцах-воротах. Кому и знать, как не тебе. Еще тысяча внутренних планет, и полно новых поводов оттоптаться на Поясе, кве си? А половина наших сосут у Мясника и изображают из себя благородных политиков. Так что мы, то есть Марко, да, – мы года два-три как решили...

– Не надо об этом, – произнес молодой голос.

Син оглянулся на дверь. Наоми, помертвев, оглянулась тоже. Мальчик выглядел ужасно старым и в то же время ужасно юным. Кожа была темнее, чем у Марко, волосы более курчавыми. А вот глаза остались те же. И губы. Что-то большее – больше океана – шевельнулось у нее в груди. Всколых-

нулись загнанные вглубь чувства, волна грозила унести ее. Наоми хотела сдержаться, но ей пришлось опереться о стол, чтобы не покачнуться.

Он вошел в комнату. Тело под песочного цвета рубашкой уже переходило от жеребьячьей легкости подростка к мужской мускулистости. Кто-то из лежащих на койке перевернулся, а остальные и не заметили его прихода.

– Мы не говорим об этом, пока не окажемся в безопасности. Даже здесь. Совсем. Сабез?

– Сави ме, – кивнул Син. – Просто решил, раз она...

– Я тебя понимаю. И не виню, но говорить об этом не будем.

Только теперь юноша повернулся к Наоми. В его глазах отразилась та же борьба, что шла в ее душе. Наоми задумалась, какой он ее видит. Что у него на сердце и в мыслях, когда у нее – радость, вина и ядовитое раскаяние. Она не позволяла себе мечтать об этой минуте. Она знала, что эта минута придет, с тех пор как получила сообщение Марко. Она не была к ней готова. Он коротко улыбнулся и кивнул ей.

– Филип, – осторожно, точно слова были хрупким стеклом, выговорила она.

И его ответ прозвучал как эхо.

– Мать, – сказал он.

Глава 10. Амос

Станция экспресса в Филадельфии располагалась в глубине коммерческого района среднего уровня. Обладатели зарплат бродили по проходам между торговыми рядами, покупая псевдомодные одежды и предметы скудной роскоши, доступные только за деньги. И не очень большие. Высший слой делал приобретения в других местах, огражденных мерами безопасности от таких, как здешние покупатели.

Даже на Земле были люди с деньгами, а были – *с деньгами*. Амосу казалась странной мысль, что банковский счет позволял причислить его ко вторым. Забавно было бы побродить по шикарному торговому центру в своих неприятельных одежках астерского производства – чтобы продавцы забились в судорогах, когда он выложит пару штук на какую-нибудь бесполезную фигню. Скажем, за хорошенький шейкер из чистой платины. Раз или два в году Амос не прочь был выпить мартини.

Возможно, потом. После.

Из торгового района он вышел в жилой, в котором его терминал высветил дом Лидии. У короткого тоннеля-перехода его остановил мальчишка лет одиннадцати или двенадцати в дешевом спортивном костюме из тех, какие раздают киоски базового, если к ним приложишь большой палец. Мальчишка предлагал множество сексуальных услуг по гро-

шовым расценкам. Амос взял его за подбородок, поднял к себе лицо. На щеках желтели следы не слишком свежих побоев, а характерная розовая припухлость век выдавала страсти к порошку пикси.

– На кого работаешь? – спросил Амос.

Мальчик вывернулся из его руки.

– За потрогать платят, мистер.

– Не бойся. Лапать не буду. Просто скажи, на кого ты работаешь. Он далеко?

– Не понял... – Мальчишка озирался, куда бы сбежать.

– Так, ладно. Сгинь.

Провожая взглядом удирающего пацана, Амос почувствовал, как в животе что-то сжалось, словно от судороги. Каждому уличному мальчишке не поможешь. Их слишком много, а у него другие дела. Досадно это. Может, малыш найдет своего сутенера и расскажет, как жуткий здоровенный мужик лапал его за лицо. Тогда сутенер станет его искать, чтобы преподать урок – мол, не порти товар.

От этой мысли на лицо Амоса вернулась улыбка, и судорога в животе отпустила.

От станции до дома, где жила Лидия, было тридцать семь кварталов. Район дешевый, но не для живущих на пособие. За дом здесь расплачивались настоящими деньгами – а это интересно. Амосу не верилось, чтобы Лидия сумела подчистить досье, пройти обучение и устроиться на работу. Может, ее муж имел рабочую квалификацию и законный зара-

боток? Это тоже интересно. Какой честный гражданин женился бы на стареющей гангстерше вроде Лидии?

Амос шагал неторопливо, всё еще надеясь, что сутенер его выследит и покажется на глаза. Через полтора часа ручной терминал сообщил Амосу, что он на месте. Дом был так себе. Маленькое одноуровневое здание, со стороны почти не отличимое от других строений в этом районе. Узкую полоску между домом и улицей занимал крошечный сад – любовно ухоженный, хотя Амос не помнил, чтобы Лидия когда-нибудь держала цветы.

Он прошел по узкой дорожке к дверям и позвонил. Почти сразу ему открыл маленький старик с лысиной в окружении седых волос.

– Чем могу помочь, сынок?

Амос улыбнулся, и что-то в его улыбке заставило старика нервно отступить на полшага.

– Здравсьте, я старый друг Лидии Маалуф. Узнал вот, что она скончалась, и хотел принести соболезнования.

Он поиграл лицевыми мышцами, пытаясь отыскать такой вариант улыбки, который бы не пугал этого старикашку.

Старик – Чарльз, если верить некрологу, – помедлив, пожал плечами и жестом пригласил Амоса в дом. Внутри чувствовалось присутствие Лидии. Мягкая мебель, яркие ковры на стенах и занавески напомнили Амосу их балтиморскую квартиру. На стенах и на столах фотографии. Кадры из покинутой Амосом жизни. Две собаки на лугу улыбаются в ка-

меру, свесив языки. Чарльз, не такой лысый, но такой же белоснежно-седой, копается в саду. Лидия с Чарльзом в ресторане, на столике свечи, они улыбаются друг другу поверх бокалов с вином.

Жизнь выглядела хорошей, и Амос почувствовал, как его понемногу отпускает. Он не знал, как это понимать, но предполагал, что так лучше.

– У вас имя есть? – осведомился Чарльз. – Хотите чаю? Я как раз заваривал, когда вы позвонили.

– Конечно, чаю выпью, – ответил Амос, пропустив первый вопрос мимо ушей.

Он постоял в уютной гостиной, пока Чарльз гремел посудой на кухне.

– Второй месяц после похорон, – сказал он оттуда. – Вас не было в колодце?

– Да, последнее время работал в Поясе. Жаль, что не успел.

Вернувшись из кухни, Чарльз вручил ему чашку. Судя по запаху, зеленый чай, несладкий.

– Тимоти, да? – сказал Чарльз так, словно говорил о погоде.

У Амоса сжались челюсти, в кровь выплеснулся адреналин.

– Давно уже нет, – отозвался он.

– Она как-то рассказывала о вашей маме, – продолжал Чарльз.

Он держался свободно – словно знал, что чему быть, того не миновать.

– О маме?

– Лидия ведь заботилась о вас после смерти матери. Так?

– Да, – сказал Амос, – так.

– Ну вот, – покивал Чарльз и сделал глоток. – Так что?

– Либо я прошу у вас разрешения отнести эти розы ей на могилу...

– Либо?..

– Либо просто отнесу, потому что здесь больше никто не живет.

– Мне не нужны проблемы.

– Я хочу знать, как это случилось.

Чарльз посмотрел на него, глубоко вздохнул и заговорил:

– Это называется аневризма восходящей части аорты.

Легла спать и не проснулась. Я вызвал скорую утром, но они сказали, к тому времени она был мертва уже несколько часов.

Амос кивнул.

– Вы были к ней добры, Чарльз?

– Я любил ее, мальчик. – В голосе старика прорезалась сталь. – Ты можешь делать здесь, что хочешь, я тебе помешать не сумею. Но в этом сомневаться не позволю. Я любил ее с первой нашей встречи до последнего поцелуя на ночь. И всё еще люблю.

Голос старика не дрогнул, но в глазах стояли слезы, и руки

подрагивали.

– Можно мне сесть? – спросил Амос.

– Устраивайся. Скажи, если захочешь еще чая, – чайник полный.

– Спасибо, сэр. Простите, что на вас набросился. Но я, когда услышал, забеспокоился...

– Я знаю, кем была Лидия до нашей встречи, – сказал Чарльз, присев на кушетку напротив Амоса. – Мы не лгали друг другу. Но здесь нас никто не тревожил. Просто у нее была слабая артерия, и однажды ночью она не выдержала. И больше ничего.

Амос потер себе макушку. Верит ли он этому старику? Получалось, что верит.

– Спасибо. И еще раз простите, что ворвался силой, – сказал он. – Так можно мне взять несколько роз?

– Конечно, – вздохнул Чарльз. – Да это теперь и не мой сад. Бери, что хочешь.

– Вы переезжаете?

– Да, человек, который поддерживал Лидию, после ее смерти перестал. Мы кое-что отложили, но не много. Я очень скоро окажусь на базовом, а это значит, меня ждет муниципальный квартал.

– Кто держал ее на плаву? – спросил Амос, заранее зная ответ.

– Малыш по имени Эрик. У него своя команда в родном городе Лидии. Думаю, что вы знакомы.

– Знал такого, – согласился Амос. – А о вас он знал? Что Лидия вышла замуж?

– Конечно. Он держал с нами связь. Интересовался, как дела.

– И перекрыл вам кран после ее смерти.

Он не спрашивал, и Чарльз не ответил, только сделал еще глоток.

– Так, – сказал Амос, вставая. – У меня еще дела. Не спешите пока с переездом. Так или иначе, я позабочусь, чтобы на этот домик вам хватало.

– Ты мне ничем не обязан.

– Вроде как обязан.

– За нее, – сказал Чарльз. – За нее.

* * *

Экспресс довез его до Балтимора быстрее, чем он шел до станции. Сам город за два десятилетия совсем не изменился. Те же группки дорогих коммерческих домов среди растянувшихся до окраин блоков для безработных и бедняков. А по окраинам – районы среднего класса. Тот же запах гниющих водорослей с затопленного восточного побережья и рассыпающиеся скорлупки старых зданий торчат над водой скелетом дохлого морского чудовища.

Как ни обидно было это признавать, Амос почувствовал, что он дома.

Он взял у вокзала электрокарт-автомат и доехал до района своего детства. С мостовой улицы тоже выглядели более или менее так же, как раньше. Изменились светофоры – стали более квадратными и массивными. Некогда пешеходные улочки теперь оказались открыты для проезда. У толкачей, громил и служителей секса были другие лица, но стояли они примерно на тех же углах, что и их предшественники. На трещинах выросла другая сорная трава, но трещины остались теми же. Такси высадило его у передвижного кофейного лотка – здесь принимали пайковые карточки базового. Как раз здесь он последний раз ел в Балтиморе, прежде чем сбежать. Тележка и бренд изменились, а ассортимент роллов и маффинов остался прежним.

– Большой стакан и кукурузный маффин, – сказал он девушке-продавщице.

Та, от удивления, что его терминал расплатился настоящими деньгами, а не пайковой картой базового, чуть не выронила заказ. Амосу же, из-за того, что его церерские «новые юани», размениваясь в сети на доллары ООН, при каждом трансфере уменьшались на комиссионные, пришлось переплатить за перекус втрое.

Маффин, судя по вкусу, был из вторсырья – из уже съеденного кем-то кукурузного маффина. И кофе сошел бы за нефтепродукт, однако Амос, прислонившись к стене у лотка, неторопливо прикончил завтрак. Остатки бросил в утилизатор и поблагодарил девушку. Та не ответила – пялилась на

человека в непривычной одежде, расплатившегося космической валютой, как на инопланетянина. Впрочем, подумалось Амосу, он, можно сказать, таким и был.

Где искать Эрика, он понятия не имел. Зато очень скоро из темной подворотни к нему выплыла молоденькая девица с машинной укладкой и в дорогах хлопчатобумажных штаньшках. – Эй, – окликнул ее Амос, – минутка найдется?

– Для тебя, жердьяй?

– Меня иначе зовут, – с улыбкой возразил Амос.

Он различил умело скрытый страх в ее глазах. Девчонка привыкла к незнакомцам – и в привычку входило сознание: незнакомцы опасны.

– Такому зверю имечко в самый раз.

– Ты местная. Помоги-ка приедем.

– Тебе травку? Порошок? У меня есть нейро, останешься доволен. С ним мигом улетишь из этого нужника.

– Я и без твоего товара улечу, пташка. Просто ответь на вопрос.

Она рассмеялась и показала ему средний палец. Кто не клиент, тот ноль без палочки. Девица развернулась к своей темной двери. Амос крепко, но бережно ухватил ее за плечо. Теперь в глазах девчонки мелькнула искорка настоящего страха.

– Один вопрос, пташка. Ответишь, и лети себе.

– Пошел ты, жердьяй! – Она плюнула в него и дернула плечом.

– Перестань. Сама себе больно сделаешь. Мне просто нужно узнать, кто заправляет вашей командой. Ищу парня по имени Эрик. Болит ручка? Если ты не под ним ходишь, просто покажи, кто под ним. Сабе?

– Сабе? – Она перестала вырываться. – Говори по-английски, гад.

– Эрик. Мне нужен Эрик. Покажи, где искать, и я пойду.

– Или я тебе кровь пущу, – процедил новый голос. Из той же подворотни, где околачивалась мелкая пташка, выдвинулся человек-гора со шрамами вокруг глаз. Руку он держал в кармане мешковатого свитера. – Пусти ее.

– Запросто, – сказал Амос и выпустил пташку.

Та бросилась по ступеням к двери. Ходячая гора мерзко усмехнулась, приняв послушание за страх.

– А теперь сваливай.

– А теперь, – улыбнулся в ответ Амос, – мне нужен Эрик. Он теперь, как я слышал, большая шишка. Ты под ним? Если нет, скажи, кто под ним.

– Я тебе сказал валить на...

Последнее слово потерялось в бульканье, потому что Амос ударил громилу по горлу. Пока тот заново учился дышать, Амос задрал ему свитер и вытащил из-за ремня пистолет. Потом пнул под колено, сбив наземь. Когда гора оказалась на четвереньках, продолжал, не целясь в собеседника, а небрежно держа пистолет в руке:

– Ну вот, – сказал он так тихо, что слышать его мог только

упавший. Первая причина для драки – унижение. Не унижай меня, и вероятность продолжения драки снизится. – Мне нужно найти Эрика, и либо ты в этом деле мой друг, либо нет.

Хочешь быть мне другом?

Великан кивнул – говорить он еще не мог.

– Ну вот, у меня и новые друзья заводятся. – Амос потрепал его по бычьему плечу. – Поможешь новому другу найти старого приятеля Эрика?

Еще раз кивнув, громила прохрипел:

– Идем.

– Спасибо, – поблагодарил Амос и помог ему подняться.

Великан бросил взгляд на подворотню, возможно, давая пташке знак предупредить кого-то – Амос надеялся, что людей Эрика. Это к лучшему. Ему хотелось, чтобы Эрик при встрече с ним чувствовал себя в безопасности. Имея за спиной вооруженных ребят, он скорее расслабится и выслушает разумные доводы.

Великан провел его через знакомый район к докам и каменному монолиту неудавшегося экогорода. Провожатый немного прихрамывал от боли в колене. На входе их ожидали двое парней в просторных свитерах, не слишком скрывавших тяжелые стволы. Когда Амос шагнул за дверь, эти двое пристроились к нему сзади.

– Еще и почетный караул? – усмехнулся через плечо Амос.

– Без глупостей, – ответили ему.

– Староват я для глупостей, но намек понял.

– Давай пушку, – приказал второй конвоир, протянув руку.

Амос молча бросил в нее чужой пистолет.

Снаружи старый город-купол выглядел развалиной. Изнутри впечатление резко менялось. Кто-то положил новую плитку вместо испорченного водой пола, отчистил и выкрасил стены. Прогнившие деревянные двери главного коридора заменили стеклом и композитными материалами, которым не страшна сырость. Всё вместе походило на офис дорогой корпорации.

Чем бы ни занимался Эрик, ему это шло на пользу.

Остановившись перед лифтом, человек-гора заговорил:

– Он наверху. Ну, я пошел?

Он еще похрипывал, но уже гораздо меньше.

– Большое спасибо, что помог, – без иронии отозвался Амос. – Горлом займись – лед приложи и постарайся поменьше разговаривать. Если за три дня не пройдет, прысни гормональным спреем.

– Спасибо, – каркнул человек-гора и удалился.

Лифт, звякнув, открыл двери, и двое конвоиров указали на кабину:

– После вас.

– Грасиас, – сказал Амос и прислонился к задней стене кабины.

Войдя, один из охранников вставил в щиток управления металлическую карточку и нажал верхнюю кнопку.

Амос коротал время подъема, прикидывая, как бы он обезоружил ближайшего конвоира и убил второго. К тому времени, как стратегия была разработана, лифт снова звякнул и открылся.

– Сюда. – Конвоир махнул в глубь коридора.

– Клуб? – восхитился Амос. – Затежливо.

Верхний этаж был обставлен мягкой мебелью с плюшевой обивкой и выстелен бордовыми коврами. Конвоир открыл дверь в конце коридора – она выглядела деревянной, но, судя по тяжести, под панелями скрывалась сталь. Затежливо, но не в ущерб безопасности.

После роскоши коридора офис по ту сторону двери выглядел почти спартанским: панели и терминалы на металлическом столе, настенный экран с видом на океан притворяется окном, а вместо офисного кресла – большой резиновый шар.

Эрик всегда начинал ерзать, если приходилось долго сидеть.

– Тимми, – сказал он, поднимаясь за столом, как за баррикадой.

Двое охранников остановились по сторонам двери.

– Меня теперь называют Амосом.

– Думаешь, я не знал? – рассмеялся Эрик.

– Ты знал, – согласился Амос.

Эрик хорошо выглядел. Выглядел здоровым, как никогда в детстве. У него даже наметилось брюшко. А вот левая рука осталась маленькой, ссохшейся. И хромота была заметна, даже когда он стоял. Впрочем, теперь, среди символов успеха и на фоне сытой фигуры, увечье представлялось памяткой прошлой жизни, а не бессилием.

– Ну вот, – сказал Эрик, – я тут гадаю, что привело тебя в наш городок.

– Он побил Троя, – предупредил один из охранников. – И Люси сказала, что он и ее лапал.

– Убил кого-то? – осведомился Эрик и, не услышав ответа, заключил: – Это он еще вежливый.

– Верно, – дружески кивнул ему Амос. – Я тебе не гадить пришел, просто поболтать.

– Что ж. – Эрик опустил на свой резиновый шар. – Давай поболтаем.

Глава 11. Алекс

Через три дня после встречи с Талиссой – последней встречи, как он теперь думал, – и обеда с Бобби Драпер Алекс понял, что пора домой. Он поужинал с родными и с парой старых друзей. Он посмотрел, как изменился родной город и в чем остался прежним. И еще раз убедился, что сломанное не всегда можно починить. Ближе к «всё в порядке» ему не подобраться.

До отлета оставалось разочаровать еще одного человека. Экспресс-«труба» на Лондрес-Нову тихонько гудела, реклама над сиденьями сулила на тысячу ладов улучшить жизнь пассажиров: техническими сертификатами, усовершенствованным нижним бельем, отбеливателем для зубов. Система распознавания лиц затруднилась определить Алекса, и ни одна реклама к нему не обращалась. Разве что тощий адвокат в костюме оливкового оттенка, обещавший помощь в переселении на новые миры за Кольцом. «Начни новую жизнь в дальних колониях! Мы поможем!»

Сидевший напротив парень лет семнадцати уставился в пространство, прикрыв глаза то ли от скуки, то ли в полудреме. Алекс в этом возрасте решал, поступить ему во флот или подать документы в Верхний университет. И встречался с Керри Траутвайн, несмотря на то что Траутвайн-отец был религиозным фанатиком, ненавидевшим принадлежащего не к

той секте ухажера дочери. А по ночам они с Амал-шахом и Королем Надкарни разыгрывали сражения на боевом симуляторе.

Сидящий напротив мальчик ходил по тем же коридорам, ел в тех же ресторанах, примерно так же думал о сексе, но жил при этом в другой вселенной. Алекс попробовал представить: будь у него в семнадцать лет возможность перебраться к чужому солнцу, что бы он выбрал? Познакомился бы тогда с Талиссой?

Нежный механический голос объявил о прибытии на терминал Атерпол. Парень открыл глаза, встрепенулся и недоверчиво зыркнул на Алекса. Торможение толкнуло Алекса в спину – почти как при плавном разгоне на тяге – почти, но не совсем.

Атерпол был пригородом Лондрес-Новы, единственным узлом, откуда расходись ветки во все районы города. Пассажирский зал перекрывал сводчатый потолок, перронные двери в стенах были уплотнены, чтобы воздух не утекал в вакуумные «трубы». Выход из терминала открывался в большой публичный парк с настоящими растениями, маячившими в искусственных сумерках. Материал скамеек изображал дуб и железо, между деревьями вились дорожки, а от пруда пахло сыростью и водорослями. Успокоительное бормотание воздухопроводов накрывало всё вокруг непрерывной и вечной молитвой. В стенах были окна – светлые и темные. Окна контор и квартир, ресторанов и ремонтных помещений.

Алекс прошел к дальним воротам парка, откуда местная «труба» вела в другой район. Иннис-Шэллоу, где жила Бобби, пользовался не лучшей репутацией. Впрочем, самый зловещий район Марса был лучше самого фешенебельного сектора Цереры, а что касается Бобби, всякому, кто рискнул бы поднять на нее руку, если он не задумал самоубийства, следовало иметь за спиной армию.

На станции Иннис-Шэллоу Алекс накинул куртку и пошел дальше пешком. Можно было взять напрокат карт, а на углу девочка не старше четырнадцати зазывала воспользоваться услугами рикши, но идти было недалеко, а предстоящий в конце пути разговор сильно пугал Алекса.

* * *

Он уже шел этой дорогой три дня назад – когда еще саднила неудача с Тали. Терминал вывел его к комнатам Бобби. Алекс не виделся с бывшей десантницей с той ночи, когда Кольцо взмыло из руин Венеры и отправилось на дальний край системы, но сейчас ему подошел бы любой собеседник, лишь бы отвлечься от первой встречи этого дня.

Бобби проживала в очень милом боковом коридоре, украшенном продольной оранжереей и коваными фонарями в стиле, который дизайнер счел викторианским. Не успел Алекс остановиться перед нужной дверью, как она открылась.

Бобби Драпер была крупной женщиной, и хотя жизнь на гражданке чуть смягчила выпуклость ее мускулатуры, от нее, как жаром от огня, било силой и уверенностью в себе. При виде ее Алексу всякий раз вспоминалась древняя история – когда жители Самоа копьями и камнями сбросили в море вооруженных испанских конкистадоров. Такие женщины, как Бобби, помогали поверить в эту историю.

– Алекс! Заходи! Извини за беспорядок.

– Не страшнее, чем у меня в кабине под конец долгого рейса.

Большая комната Бобби оказалась просторнее рубки «Роси» и была декорирована в серых и терракотовых тонах, которые здесь странным образом сочетались. В столовой поместилось бы не больше четырех человек, а еще два стула стояли в других комнатах. От входной двери сквозь арку напротив был виден монитор, на котором медленно расплывались цветные пятна – словно ожили кувшинки на пруду с картины Моне. Там, где в обычном доме стоял бы диван, располагался тренажер и стойка с гантелями. Спираль лестницы уходила наверх в маленькую спальню – бамбуковые ступени мягко светились.

– Уютно устроилась, – заметил Алекс.

Бобби виновато оглянулась на собственную квартиру.

– Мне так много не нужно. Совсем не нужно. Но я думала, что мне хочется простора. Чтобы расправить плечи.

– Думала, что хочется?

Она пожала плечами.

– Так много не нужно.

Надев куртку из коричневой кожи, придавшую ей деловой вид и отчасти скрывшую ширину плеч, Бобби отвела гостя в рыбный ресторанчик и угостила рубленой форелью под черным соусом – вкуснее Алекс не пробовал. Местное пиво подавали охлажденным. За два часа раны, оставленные словами Талиссы и презрением к себе, стали меньше саднить. Бобби рассказывала о работе с ветеранами. О женщине, которая обратилась за помощью к психиатру – ее сын после отставки не вылезал из-за игровой консоли. Бобби связалась с его сержантом, и парень получил работу на верфи. И еще о человеке, который объявил застрявшую у него в прямой кишке сексигрушку боевым ранением. Когда Бобби смеялась, Алекс смеялся с ней за компанию.

Понемногу и он разговорился. Рассказал о том, каково было по ту сторону Кольца. О том, как выглядели с орбиты судороги Илоса – или Новой Терры, или как там ее в конечном счете назовут. И о том, каково было возвращаться с пленником на борту – отсюда разговор перешел на первый раз, когда они везли арестантку – Клариссу Мао, дочь Жюля-Пьера и сестру первой жертвы протомолекулы, – и к тому, как теперь поживают Холден, Амос и Наоми.

Вот тут его и накрыла боль. Тоска по дому – по команде и кораблю. Он наслаждался остроумием Бобби и ее компанией, но на самом деле ему с той минуты и до сих пор хотелось

одного – вернуться на «Росинант». Вот почему то, к чему Бобби перешла в конце разговора, прозвучало для него как гром среди ясного неба.

– Да, Алекс, – заговорила она, и сразу стало заметно, как она старается сохранить прежний, свободный и дружеский, тон, – у тебя остались связи на флоте?

– Есть кое-кто, служат на Гекате.

– Я вот подумала, не окажешь ли ты мне маленькую услугу?

– Конечно, – согласился Алекс и через долю секунды уточнил: – Какую?

– У меня завелось хобби, – неловко объяснила она. – Это... неофициально.

– Работа на Авасаралу?

– Вроде того. Последний раз мы с ней обедали, и она рассказала кое-что, что заставило меня задуматься. О том, что открытие новых миров многое меняет. Меняет стратегии. Что-то этом роде. А один из главных ресурсов Марса – из тех, на которые будет спрос, – его флот.

– Не понял, – признался Алекс. – Ты о наемниках?

– Я о том, что у нас исчезают разные вещи. Черный рынок... За последние годы мы пережили пару немаленьких войн. Много кораблей пропало. Некоторые мы просто потеряли из вида. А флот так растянут – не знаю, много ли они сейчас уделяют внимания пропажам. Ты слышал о нападении на верфи Каллисто?

– Да, смотрел что-то такое.

– Вот тебе и пример, да? Серьезный инцидент, а первая реакция – выяснить, кто за ним стоял, и восстановить оборону.

– Конечно, – сказал Алекс, – этим ведь надо заниматься.

– И потому задача узнать, что пропало, оказывается если и в списке, то далеко не первым пунктом. И всё это, в общем, понимают, только вслух не говорят.

Алекс выпил, поставил бутылку и вытер губы ладонью.

– Значит, ловкачи на базе могут под этим предлогом выкинуть кое-какое оборудование на черный рынок, объявив его пропавшим?

– Именно. Такое и раньше бывало, но сейчас, когда всюду хаос и он всё ширится...

– А население Марса утекает на корабли колонистов...

– Да, и это тоже, – кивнула Бобби.

Взгляд ее стал жестким. Алекс склонился к ней, оперся локтями на стол. Запах рыбы и соуса еще висел в воздухе, хотя тарелки убрали. На экране над входом отплясывал под компьютерную поп-музыку молодой человек в пародийном деловом костюме. Языка Алекс не разобрал: на такой скорости все языки превращаются в бессмысленный набор звуков.

– Ты хочешь сказать, что разыскиваешь каналы, по которым военная техника Марса утекает на черный рынок?

– Оружие, – добавила Бобби. – Медицинское оборудование. Боеприпасы. Боевые скафандры. И даже корабли.

– И ты занимаешься этим в одиночку, на досуге, потому что Крисьен Авасарала что-то такое сказала.

– Я в некотором роде работаю на нее.

Алекс рассмеялся.

– Уже побаиваюсь напоминать, но ты начала с того, что тебе нужна помощь. А какая, не сказала.

– Ребята с Гекаты со мной не станут разговаривать. Я из десанта, они – флотские. В этом всё дело. А ты с ними знаком, а если и не знаком, ты для них свой, мне такой никогда не стать.

Я думала, не согласишься ли ты для меня чуток покопать.

Алекс кивнул, но сказал только:

– Я подумаю.

Впоследствии, решив, что хоть какой-то отрезок его жизни должен окончательно завершиться, он понял, что придется сказать Бобби, что они встречаются последний раз, и ответить ей отказом. Ему надо вернуться на свой корабль. Если он сможет чем-то помочь ей оттуда, будет только рад. Но прежде всего ему нужно покинуть Марс и больше не возвращаться.

* * *

Алекс дошел до ее коридора. Чугунные фонари мерцали, создавая иллюзию земной улицы, какой она могла быть столетия тому назад. Эхо незнакомых ни ему, ни Бобби, но при-

ятных и уютных мест. Он пошел медленнее, прислушиваясь к почти беззвучному тиканию воздухоочистителей, словно за их шепотом надеялся уловить журчание Темзы.

Где-то рядом коротко вскрикнул мужчина. Нет, это все-таки Иннис-Шэлоу. Алекс прибавил шагу. У двери Бобби он задержался.

Та оказалась закрыта, но не плотно. Черная, идеально круглая клякса лежала на панели в том месте, где язычок замка входил в раму. Тонкая светлая линия отмечала трещину в погнутой керамике. Снова донесся мужской голос – тихое бормотание, закончившееся резким, властным окриком. Голос звучал за дверью Бобби.

Сердце Алекса застучало втрое быстрее. Он выхватил из кармана терминал и поспешно вызвал местную службу спасения. Нажал кнопку срочного вызова и подтверждение, но заполнять подробно не стал – было некогда. Встав перед дверью и сжав кулаки, он мечтал, чтобы рядом оказался Амос.

Затем Алекс толкнул дверь и ворвался внутрь.

Бобби сидела у стола, на одном из двух стульев, с руками, заведенными за спину. Ноги были вытянуты вперед – стул оказался ей не по росту. На губах и на шее сбоку Алекс увидел кровь. Мужчина в сером комбинезоне целился ей в затылок.

Двое других, тоже в сером, повернулись к Алексу. Оба сжимали автоматические пистолеты. Четвертый, в удобном костюме цвета золы и в яркой голубой рубашке, взглянул

на вошедшего с досадным удивлением. При виде Алекса он округлил глаза.

Его ругательство почти потерялось за треском дерева. Алекс не уследил за мгновенным движением Бобби, когда та в щепки разбила стул, к которому была привязана, и перехватила руку с пистолетом за запястье. Вопль стрелка слился с влажным хрустом.

Кто-то выстрелил наобум, грохот отдался в ушах. Алекс с криком бросился вперед и наткнулся на мужчину в костюме. Они оба отлетели назад. Колено врезалось Алексу в пах, и мир растворился в слепящей боли. Алекс осел на колени, пытаясь удержать противника за полу пиджака. Выстрелы не умолкали, в воздухе завоняло порохом.

Человек в костюме потянулся к наплечной кобуре, но Алекс вцепился ему в руку. Запястье под пальцами было словно бетонное. В кулаке он уже сжимал пистолет. Кто-то заорал, и рев выстрелов перешел в низкий звериный вой. Алекс подался вперед: сумасшедшая боль в мошонке уже стала просто сильной болью. Он вцепился в неподатливую руку зубами, вонзив их в толстый шелк рукава и сжимая челюсти, пока не сошлись резцы. Мужчина не вскрикнул, а просто опустил вторую руку на висок Алекса.

Мир стал тихим и далеким. Алекс почувствовал, что выпускает врага, запрокидывается, жестко приземляется на копчик. Боль ощутилась смутно. Человек в костюме поднимал пистолет. Отверстие ствола зияло как пещера.

«О, – подумал Алекс, – так я и умру».

Голова стрелка коротко кивнула, и он рухнул на пол. За его спиной показалась Бобби с шестикилограммовой гантелей в руке. На хромированной поверхности осталась кровь и, кажется, волосы. Никто больше не стрелял.

– Эй, – сказал Алекс.

– Ты как? – Бобби села рядом.

Один из стрелков, спотыкаясь и баюкая руку, метнулся за дверь. Бобби за ним не погналась.

– Больновато, – выговорил Алекс и, завалившись набок, свернулся в комок.

– Это ничего, – сказала Бобби. – Ты молодец.

– Давно не дрался врукопашную. Будь у меня практика, наверное, справился бы лучше.

– Да ну! Четверо с оружием против двух безоружных. Для таких условий мы отлично справились.

Она, опустив голову, медленно вздохнула. Алекс приподнялся.

– Ты в порядке?

– Пару раз они попали, – сказала она. – Жжет.

– Черт, тебя ранили?

– Да. Минутку посижу и доберусь до консоли, вызову «скорую», пока не перестала соображать от потери крови.

– Я уже вызвал, – успокоил ее Алекс. – Прежде чем войти.

– Предусмотрительно.

– Вряд ли я такое предвидел, – признался он и попросил: –

Бобби, не бросай меня.

– Я здесь, – сонно отозвалась она. – В порядке.

Вдали уже была слышна сирена. С каждым вдохом она зазывала всё ближе. Алексу долго казалось, что дрожит пол, потом он понял, что трясется сам. К боковой стене привалился один из стрелков. Шея у него выгнулась под странным углом, а на груди засохла кровь. Значит, мертв. Человек в костюме давился кашлем. Сирена выла уже рядом. И звучали голоса. Женский голос сообщил, что прибыла полиция, что они собираются войти.

– Я приехал тебе сказать, – обратился Алекс к Бобби, – что остаюсь и помогу.

– Спасибо.

– Это из-за черного рынка, да? – добавил он. – Наверное, ты задавала правильные вопросы.

Бобби с трудом улыбнулась. Он уже заметил, как много крови у нее на рубашке.

– Не знаю, – сказала она. – Они спрашивали только о тебе.

Глава 12. Амос

– Хочешь коки? – предложил Эрик. – Не синт. Натуральная, из листьев.

– Не надо. Вот выпить я не прочь, если есть что под рукой, – ответил Амос.

Эти любезности были всего лишь ритуалом, но ритуалом важным. Опыт подсказывал, что чем опаснее люди, тем обдуманнее они ведут беседу. Шумные задиры добиваются, чтобы собеседник отступил. Они хотят обойтись без боя. Тихие рассчитывают, как победить.

– Тату, принеси «Эль-Чаррос», – приказал Эрик, и один из его охранников выскользнул за дверь. Амосу Эрик пояснил: – В последнее время подсел на текилу.

– А я нет, – ответил Амос. – Хорошую текилу за пределами Земли не достать. То, что продают у астеров, пить невозможно.

– Наверное, там маловато голубой агавы.

Амос пожал плечами и стал молча ждать. Тату вернулся с высокой тонкогорлой бутылкой и двумя узкими рюмками.

Наполнив обе, Эрик поднял свою:

– За старых друзей!

– За старых друзей, – повторил Амос и залпом выпил.

– Еще? – кивнул на бутылку Эрик.

– Конечно.

– Город посмотрел?

– Только отсюда до вокзала.

– Он не слишком изменился, – заметил Эрик и помолчал, давая время выпить. Потом снова наполнил рюмки. – Фасады меняются, а углы те же.

– Забавно. Я по дороге о том же думал. Зато твоя жизнь переменялась.

– В основном – нет, – ухмыльнулся Эрик и пошевелил маленькой ссохшейся левой рукой.

Амос обвел рукой охрану, обновленное здание.

– Когда мы расставались, ты удирал от убийц. Так что кое-что изменилось.

– Можете идти, ребята, – обратился Эрик к Тату и его напарнику.

Те тихо вышли и закрыли за собой дверь. Эрик либо уверился, что Амос не собирается его убивать, либо имел защиту, не требующую присутствия охраны. Наверняка не пулемет под столом – для Эрика это было слишком прямолинейно. Амос словно невзначай искал взглядом провода или подозрительные выпуклости на полу или на своем кресле. Эрик еще раз налил текилы и сказал:

– После твоего отлета я понял о себе кое-что важное.

– Что же?

– Круче меня всегда будет любой. – Эрик с намеком шевельнул сухой рукой. – Зато я обычно оказываюсь самым умным в компании. На исполнение плана всегда можно кого-то

подрядить. Но не на его составление.

– Это верно, – кивнул Амос. – Вот почему я никогда не стану капитаном корабля.

Эрик это учел. Не изменился в лице и не вздрогнул, но Амос видел, что его слова мысленно отложены в папочку «Важное».

– Но ты всегда будешь полезен, – отозвался Эрик. – Ты всегда был полезным. Теперь в команде?

– Ты разве не видел меня в новостях?

– Видел. Ты изменился. Стал брить голову, нос тебе еще пару раз сломали. Но имя я всегда помнил.

– Да. Это имя – да, – отозвался Амос и поднял тост за Эрика. – Грасиас, кстати говоря.

– Так что, ты всё с той же командой? – повторил Эрик.

– Да. А что?

– А то, что ты сейчас сидишь здесь и пьешь мою текилу. Я всё прокручиваю это в голове. Такой полезный парень, как ты, всегда найдет работу. Если тебе нужна работа, я дам. Но если не работа, тогда что?

Амос взял бутылку и налил себе сам. Эрик очень старался скрыть нервозность. Привычно, судя по тому, как хорошо это ему удавалось. Да, времена сильно переменялись. Эрик из пронырливого мелкого взломщика, спасающего оцененную властями шкуру, вырос в почтенного владельца солидной балтиморской недвижимости. Но кое-что осталось прежним. Кое-чего не скроешь. Как бы спокойно ни си-

дел Эрик, как бы ровно, не мигая, ни смотрел в глаза, крошечные пальцы сухой руки сжимались и разжимались, словно у тянущегося к игрушке младенца.

– Побывал в доме Лидии, – сказал Амос, неторопливо прихлебывая текилу.

– Теперь уже не Лидии. Она умерла, – поправил Эрик. – Так вот в чем дело! Я обходился с ней, как обходился бы ты.

– За это спасибо, – кивнул Амос.

– Ты однажды не убил меня, хотя причин хватало, и тогда уже не мог остаться. – Эрик наклонился к нему. – Уходя от нее, ты оказывал услугу мне. Я этого не забыл. И она тоже меня поддерживала поначалу. Помогла стать тем, кто я есть теперь. Научила пользоваться головой, чтобы побить мясо. Пока это было в моих силах, она ни в чем не нуждалась.

– И это я ценю, – подтвердил Амос.

Эрик сощурился, его правая рука вынырнула из-под стола – вместе с коротким автоматом. Амос поймал себя на том, что удивился и даже почувствовал гордость за бывшего приятеля. Эрик положил руку на стол, развернув автомат дулом от Амоса – жестом предупреждения, а не угрозы. Амос шутиливо поднял руки.

– Я же без оружия, шеф. Поговорить пришел.

– Так говори.

– Ты очень хорошо обходился с Лидией. – Амос медленно, не сводя глаз с автомата, опустил руки. – Только ты ошибся. Она не совсем умерла. Кое-что осталось.

Эрик склонил голову к плечу, насупился.

– Ну-ка, растолкуй мне, как это?

– Остался старик, который ее любил, жил с ней и поцеловал ее на ночь перед смертью. И дом с садиком, где они растили розы. Может, еще собаки. Я видел снимки, но не знаю, живы ли они.

– Всё равно не понял, – сказал Эрик.

Амос потер кулак большим пальцем, подбирая слова. Он никогда не высказывал этих мыслей вслух, и, если сейчас не сумеет, не заставит Эрика понять, всё кончится тем, что они поубивают друг друга. Так что стоило собраться с мыслями.

– Значит, такое дело. Старик живет в этом доме до смерти. Он – единственное, что после нее осталось. Последний клочок Лидии. Дом будет его.

Эрик положил маленький автомат на стол и налил себе еще. Откинулся назад, держа рюмку в правой руке. Чтобы схватить оружие, ему теперь пришлось бы бросить рюмку. А Амос успел бы добраться до него раньше. Это был знак – Амос почувствовал, как расслабляются напряженные мышцы плеч и шеи.

– Не думал, что ты такой чувствительный, – сказал Эрик.

– Я редко таким бываю. Но если уж расчувствуюсь, то от всей души.

– Ну, просьбу я выслушал. А что получу я? Перед Лидией я был в долгу, а старику ни хрена не должен. Что я выигрываю, поддерживая его?

Амос вздохнул и послал старому другу грустную улыбку.

– Честно?

– Честно.

– Я не убью ни тебя, ни тех двоих, что за дверью. Я не разберу всю организацию по кирпичику, чтобы выстроить ее снова и поставить наверху того, кто мне будет обязан.

– А, – сказал Эрик, – есть один такой.

Амосу пришлось признать, что Эрик сильно вырос за эти годы. Услышав угрозу, он даже не взглянул на автомат. Просто скопировал грустную улыбку Амоса.

– И кто же это? – спросил Амос.

– Тимми.

– Да, пожалуй. Хотя я бы предпочел не его. Так что?

– Мне почти ничего не стоит оставить старикашке дом, – сказал Эрик и тут же покачал головой, словно возражая самому себе. – Но даже если бы это влетело мне в изрядную сумму, я бы пошел на расходы. Лишь бы убрать Тимми с моих улиц.

– Еще раз спасибо.

Эрик здоровой рукой отмахнулся от благодарности, встал и подошел к большому экрану, притворяющемуся окном. Забытый автомат остался на столе. Амос подумал о нем, откинулся в кресле, заложил ладони за голову, растопырил локти.

– Забавно, да? – заметил Эрик, указывая в окно на что-то, невидимое Амосу. – Новые фасады. Старые углы. Что-то

меняется, что-то не меняется. Я изменился, ты – нет.

– Я живу на космическом корабле и время от времени дерусь с космическими монстрами. – Амос повел локтями. – Тоже перемена.

– Это страшнее, чем нарик без денег, когда у тебя его доза? Страшнее, чем уличный босс, который решил, что ты его нагрел? – засмеялся Эрик и развернулся спиной к окну. – Это, черт возьми, страшнее, чем жизнь на базовом?

– Нет, – признал Амос.

– Хорошо. Ты получил, чего хотел. – Голос Эрика стал пустым и мертвым. – Вали из моего города, не то сезон открыт.

Амос встал. Сейчас он мог бы схватить автомат быстрее, чем Эрик. Оружие притягивало его, как масса планеты. Он мог бы убить Эрика, убить двоих за дверью. К вечеру у него будет в руках кусок старой территории Эрика, бойцы и доверие, чтобы доделать остальное. Всё это мгновенно прокрутилось перед глазами.

Вместо этого Амос, засунув большие пальцы в брючные карманы, попятился к двери.

– Спасибо за выпивку, – сказал он. – Я уже забыл вкус текилы.

– Тату даст тебе в дорогу пару бутылок, я распорядюсь. Возьмешь с собой, – пообещал Эрик.

– Черт, не откажусь.

– Рад был повидаться, – кивнул Эрик и, помедлив, добавил: – Автомат не заряжен.

– Да?

– В лампе скрыт пневматический метатель. – Эрик скопил глаз на потолочный светодиодный светильник. – Отравленные стрелы. Скажи я только слово, они убьют всех в комнате, кроме меня.

– Мило. Спасибо, что не сказал.

– Спасибо, что ты остался мне другом.

Это прозвучало как прощание, так что Амос еще раз улыбнулся и вышел.

Тату ждал его в коридоре с ящиком текилы в руках. Должно быть, охрана наблюдала за разговором.

– Проводить? – спросил охранник.

– Не надо, – отказался Амос и взвалил ящик с бутылками на плечо. – Я и сам умею уходить.

* * *

Амос задал терминалу маршрут к ближайшей ночлежке и взял себе комнату. Сбросив выпивку и багаж на кровать, он вышел на улицу. Очень скоро ему попался лоток со жратвой, которую реклама оптимистично объявляла «бельгийскими сосисками». В действительности оснований для оптимизма не было, разве что Бельгия славилась производством ароматизированного соевого белка. Впрочем, это не особо волновало Амоса. Он вдруг сообразил, что знает периоды обращения каждой луны Юпитера, но понятия не имеет, где нахо-

дится Бельгия. Вроде бы не в Северной Америке, но точнее он бы сказать не взялся. Так что не ему критиковать бельгийскую кухню.

Он направился в сторону доков, где играл в детстве, – просто потому, что нужно было куда-то пойти, а в какой стороне вода, он знал. Разделавшись с сосиской и не обнаружив бачка утилизатора, Амос прожевал и проглотил обертку. Она была из кукурузного крахмала – на вкус как засохший быстрый завтрак.

Компания мальчишек, едва обогнав Амоса, задержалась и пристроилась сзади. По возрасту пацаны были на переходе от ходячей жертвы к настоящим взрослым преступникам. Такие обычно промышляют мелким воровством и служат мальчишками на побегушках у сбытчиков товара, не брезгующих грабежом, когда он выглядит безопасным. Не обращая на них внимания, Амос взобрался на ржавое железо старого мола.

Мальчишки, приотстав, тихо и напряженно спорили. Возможно, обсуждали, стоит ли из-за кредитки – они твердо верили, что чужак, забредший в балтиморские доки, всяко богаче их, – рисковать и нападать на такого здорового мужика. Амос хорошо представлял переменные этого уравнения. Он сам когда-то участвовал в подобных спорах. Легко забыв о мальчишках, он прислушался к тихому плеску волн у опор причала.

Вдали небо осветилось цепочкой вспышек – словно мол-

нии ударили в проведенную по линейке черту. Звуковой удар докатился несколько минут спустя, и Амосу живо вспомнилось, как он стоял в этих доках вместе с Эриком, глядя, как рельсовые пушки забрасывают груз на орбиту, и споря, есть ли у них самих шанс выбраться с планеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.